Master Negative Storage Number

OCI00049.09

Muromskii lies

Moskva

1888

Reel: 49 Title: 9

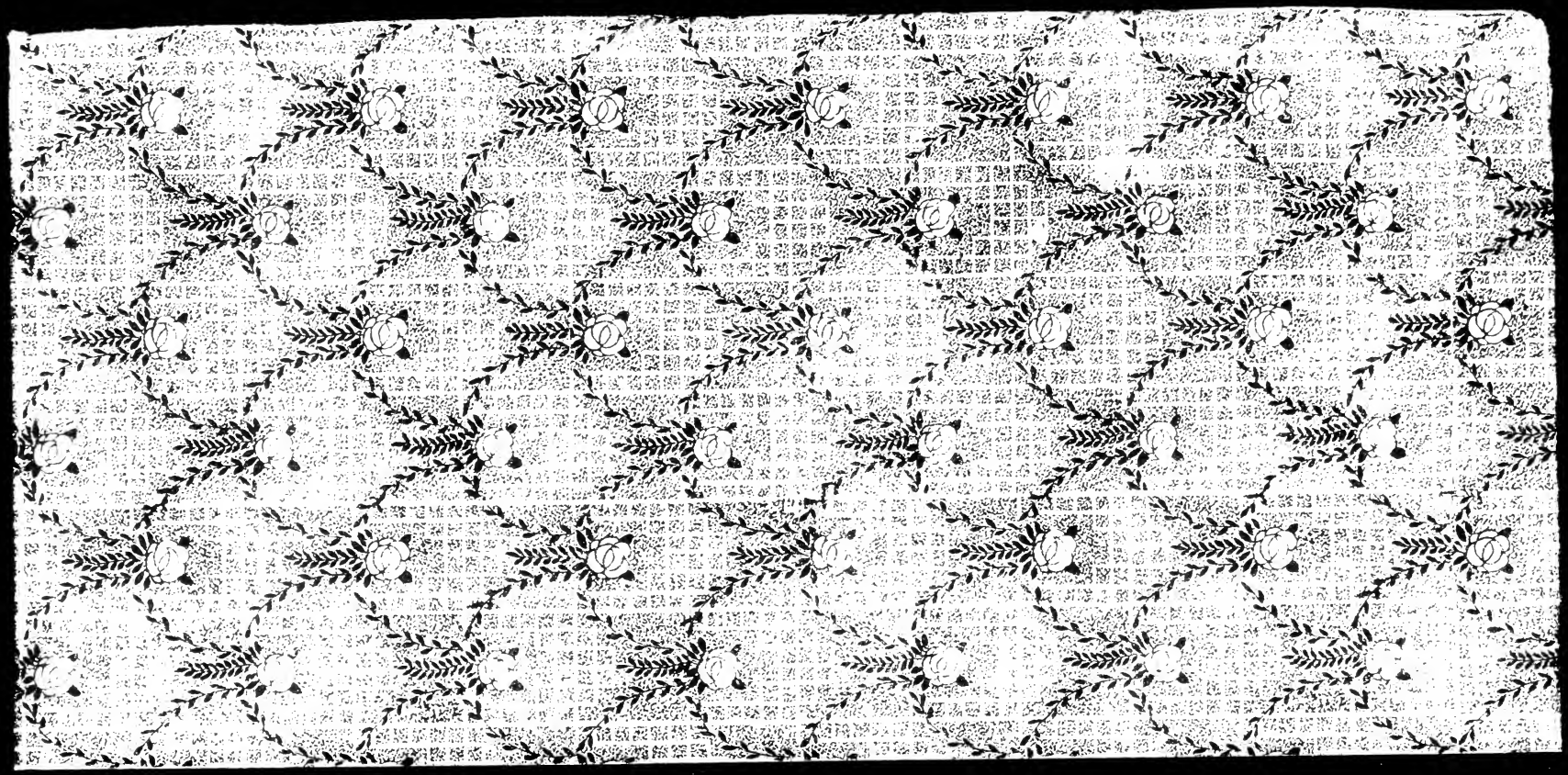
BIBLIOGRAPHIC RECORD TARGET
PRESERVATION OFFICE
CLEVELAND PUBLIC LIBRARY

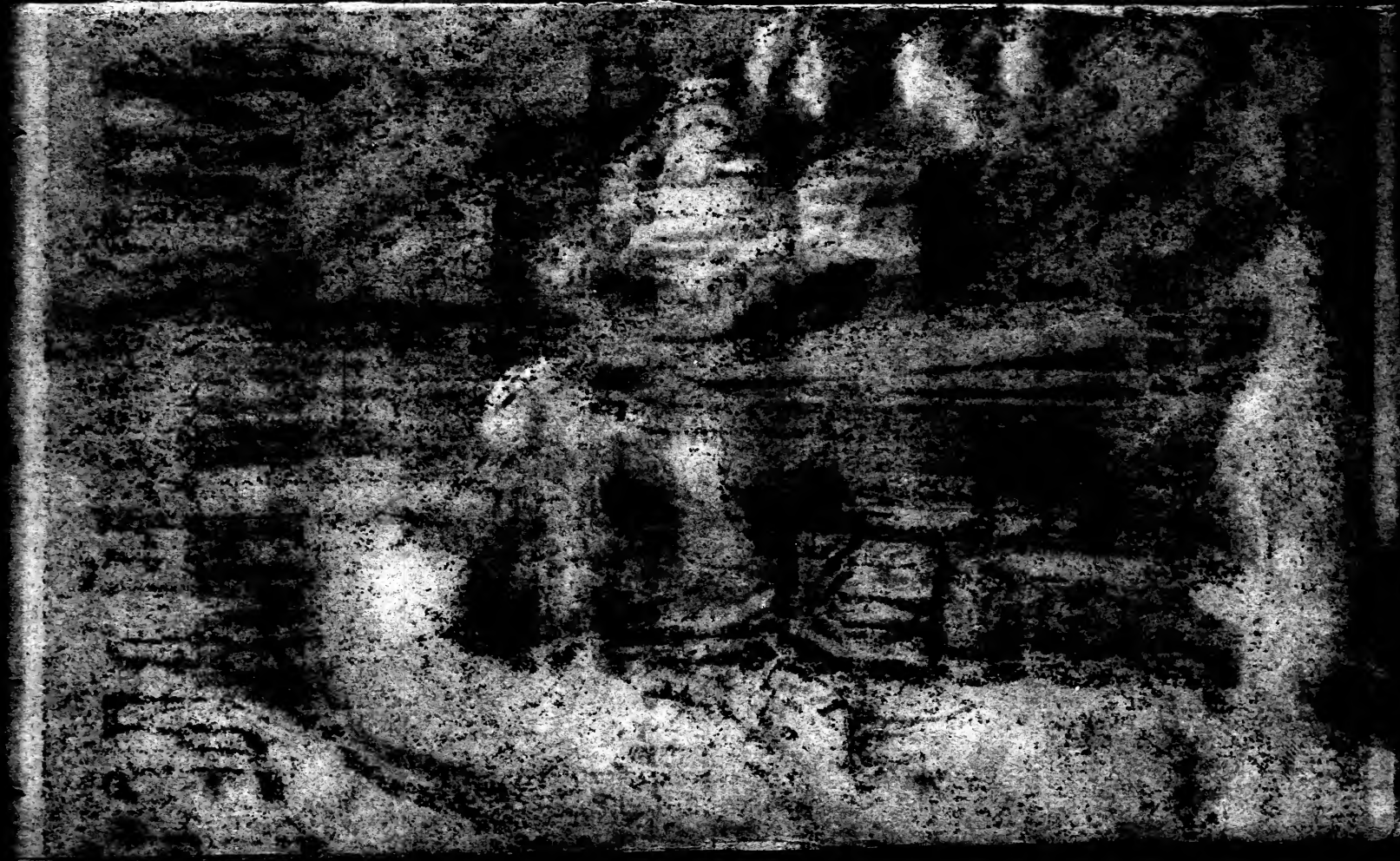
RLG GREAT COLLECTIONS
MICROFILMING PROJECT, PHASE IV
JOHN G. WHITE CHAPBOOK COLLECTION

Master Negative Storage Number: OCI00049.09

Control Number: BGM-2308
OCLC Number : 24865855
Call Number : W 381.5917b M949
Title : Muromskii lies : roman iz vremen tsarstvovaniia Petra Pervago.
Edition : Izd. 13. bez peremieny.
Imprint : Moskva : Izdanie E. V. Manukhinoi, 1888.
Format : 140 p. ; 18 cm.
Note : Color ill. on cover.
Subject : Peter I, Emperor of Russia, 1672-1725 Fiction.
Subject : Chapbooks, Russian.

MICROFILMED BY
PRESERVATION RESOURCES (BETHLEHEM, PA)
On behalf of the
Preservation Office, Cleveland Public Library
Cleveland, Ohio, USA
Film Size: 35mm microfilm
Image Placement: IIB
Reduction Ratio: 8:1
Date filming began: 10.28.94
Camera Operator: CS





МУРОМСКІЙ ЛѢСЪ.

РОМАНЪ
ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ЦАРСТВОВАНІЯ
ПЕТРА ПЕРВАГО.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Изданіе тринадцатое

БЕЗЪ ПЕРЕМѢНЫ.

МОСКВА.
Изданіе Е. В. Манухиной.
1888.

Дозволено цензурой. Москва 20 Марта 1887 года.

Тип. В. Я. Барбей Мясниц. Златоуст. пер., домъ Воейковой.

I.

Петръ Михеичъ Булавкинъ.

Старинныя преданія о Муромскомъ лѣсѣ.—Соловей разбойникъ.—Кто такой былъ Петръ Михеичъ и кто была Соломонида Яковлевна?—Оленька.—Жена и дочь.—Амбаръ и трещетка.

Слыхали ли вы, любезные читатели, что нибудь про Муромскій лѣсъ? Какъ чай не слыхать: я еще въ малолѣтствѣ набрался отъ покойной старухи няньки объ немъ такихъ чудесъ, что бывало и ночь не спится отъ страху и днемъ и въ полдень, вздрагивается, а ужъ сны-то, снятся бывало такіе—и не приведи Господи... Соловей разбойникъ сидитъ въ гнѣздѣ, на двѣнадцати дубахъ, свищетъ страшнымъ посвистомъ. Страшные сны снились—нечего сказать, все бывало повторяется, лишь только нянька за сказку—я и тутъ какъ тутъ, сижу не пропитну и уши на

макушкѣ... Чудный былъ возрастъ, счастливый былъ возрастъ, когда бы можно воротить его, попятился бы по рачьему назадъ къ молодости, одѣлся бы снова въ дѣтскую курточку и началъ бы слушать сказки съ небылицами... Не любо не слушай, а лгать не мѣшай, съ вранья не берутъ пошлины, говорила моя нянька—и подлинно!.. Бывало старуха промелетъ сутки цѣлыя и мы не смигая слушаемъ—и отвѣта никому не даемъ; а теперь?.. Ну да не объ этомъ рѣчь... Мы хотимъ начать разсказъ про муромскій лѣсъ, да ужъ не взыщите, разсказъ этотъ будетъ не о Соловьѣ-разбойникѣ, что мертвилъ проѣзжихъ и проѣзжихъ однимъ посвистомъ... Рѣчь будетъ объ иномъ прочемъ, а о чемъ подлинно, слушайте, да помните, что слушаете быль не быль, а и не сказочка... Что-жъ это такое? спросятъ меня... не быль и не сказки—какъ же назвать ее?... Да такъ себѣ—будетъ середка на половинѣ, зовите какъ хотите, только слушайте...

Это было давно, очень давно, въ царствованіе Великаго Государя Петра Алексѣевича, уже побѣдителя Шведовъ и мудраго преобразователя православной Руси.

Жилъ былъ въ городѣ Муромѣ торговый человѣкъ почтенный гражданинъ; звали этого

Гражданин Петромъ Михеичемъ Булавкинымъ.— Добрый человѣкъ, зажиточный торговецъ былъ Булавкинъ: двѣ лавки биткомъ набиты голландскимъ полотномъ и сукнами, а отъ русскаго кумача амбары ломились; у Петра Михеича заводилась суконная фабрика, сверхъ того у Михеича была жена, пожилая женщина, и звали ее Соломонидою Яковлевною.— Про Соломониду Яковлевну нельзя было сказать того, что говорили про мужа ея.., криклива была Богъ съ ней, криклива безъ мѣры; бывало утромъ встанетъ съ постели лѣвой ногой и пошла ворочать, и то не такъ, и то не по ней и стряпуха дровъ много въ печь положила, и щи не доварились: подуетъ вѣтеръ—вѣтеръ виноватъ, нельзя выйти въ одной душегрѣйкѣ по улицѣ пройти, солнышко ли проглянетъ—и солнышку достанется—печетъ больно, лѣнь нагоняетъ... Во всемъ неудача, а кто виноватъ!.. Судьба! Ужъ такая примѣта: коли утромъ вставая съ постели станешь на полъ лѣвой ногой ни въ чемъ *спорыньи* не будетъ.

Слушаетъ, слушаетъ бывало Булавкинъ ворчанье жены, да и молвитъ: тьфу ты, окаянная, да перекрести хоть духъ-то. Эхъ, Соломонида, Соломонида! право выведешь изъ терпенья, запру въ амбаръ, на хлѣбъ да

воду... Вотъ и примолкнетъ Соломонида Яковлевна на часокъ на другой, а тамъ — глядишь: по-немножку, по тихоньку да и опять пошла трещать.

Не даромъ говорилъ одинъ ученый естествоиспытатель, что у всѣхъ Соломонидъ на свѣтѣ языкъ безъ костей...

И такъ вы знаете, что Петръ Михеичъ былъ богатъ, что у Петра Михеича была жена Соломонида Яковлевна,—а не знаете того, что у него была дочка, красавица и рукодѣльная и грамотная... Разсказать ли побасеночку — разскажетъ, какъ распишетъ; вышить ли въ пяльцахъ—вышьетъ на диво; сплесть ли кружева—сплететъ чудесно, написать ли грамоту словно бисеромъ напишетъ; прочесть ли подъ праздникъ Господень канонъ Пресвятой Богородицѣ—прочитаетъ, что твой приходскій дьячокъ... Во всемъ Муромѣ Олинька (такъ звали дѣвушку) слыла первою невѣстою по купечеству—и правду молвить—завидная безприданница, собою кровь съ молокомъ, во всю щеку румянецъ, темнорусые волосы—что скорлупа каштановая, глаза ясные, голубые, точно небо березовое въ свѣтлый день. Булавкинъ любилъ дочь свою больше всего на свѣтѣ, хранилъ какъ зеницу ока—и Олинькѣ жить бы, умирать не надобно, такъ нѣтъ! не

даромъ говорятъ, что не вкусивши горькаго — не увидишь и сладкаго. И судьба послала Олинькѣ на пути жизни камень преткновенія — Соломониду Яковлевну... Соломонида Яковлевна приходилась дѣвушкѣ не родная мать, а мачиха; а извѣстно и вѣдомо всѣмъ и каждому, что за народъ мачихи. Бывало пойдетъ ли Олинька по горницѣ — и не такъ пошла и криво себя держитъ; сидитъ ли призадумавшись за работою — зачѣмъ носъ повѣсила, невѣстѣ должно быть веселою, запоетъ ли пѣсенку — голосъ не хорошъ, ухо щекочетъ, одѣнется ли въ праздничный день — не къ лицу одѣлась.... Ни въ чемъ не потрафитъ на Соломониду Яковлевну...

Все сносила Олинька терпѣливо, молча и тихомолку плакала и не жаловалась Петру Михеичу, а то куда — только пожалуйся — сидѣть бы Яковлевнѣ въ заперти, въ амбарѣ подъ замкомъ.. А Яковлевна - себѣ на умѣ, задумала сбыть падчерицу съ рукъ и выдать замужъ... И это бы ничего, почему и не выйти замужъ*. Тогда же времена были не нашимъ чета: красныя до двадцать пяти и до тридцати лѣтъ въ дѣвкахъ не засиживались, не дѣлались злыми до замужества и куклами словно куклами не игрывали; а коли засидится которая въ дѣвицахъ, такъ ужъ весь го-

родъ, вся деревня, весь посадъ поговариваютъ въ слухъ, что невѣста — знать перестарокъ.. Тѣмъ только не радовало это замужество Олиньку, что суженаго-то Яковлевна выбрала по своему уму-разуму, а не по-сердцу дѣвушки... Вы, чай любезные читатели покачиваете головою, да думаете: вишь, какой безсовѣстный, эку небылицу несетъ на предковъ!.. Эхъ, господинъ честной, въ томъ-то и дѣло, что въ старину тоже любовь щекотала сердечки красныхъ дѣвушекъ... правда, тогда держали невѣстъ по строже нынѣшняго, запрещали на молодцовъ заглядываться, да вѣдь—запрещенный-то плодъ всегда и сладокъ, говоритъ пословица.

Любила ли когда Олинька — мы увидимъ впослѣдствіи, а теперь послушаемъ за кого Яковлевна прочитъ свою падчерицу.

II.

Мачиха.

Цвѣты и малиновка.—Размышленіе.—Разговоръ.—Любопытство.—Старина.— Сосѣдъ-женихъ.— Рѣшительный отказъ.— Будетъ по моему..

Однажды Олинька встала утромъ ранехонько и пошла въ огородъ поливать люби-

мые цвѣты, да и слушать малиновку, которая бывало каждое утро встрѣчала восходъ яснаго солнышка, своими трелями на розовомъ кустѣ... Пришла Олинька въ огородъ, взяла лейчку съ чистой водой и начала поливать цвѣточки, а малиновка сидитъ на своемъ завѣтномъ кустикѣ, да заливается... Что-бы это значило? подумала дѣвушка, бывало поетъ не напоется, а теперь... И Олинька оставивши занятіе, взглянула на розовый кустъ: что же увидѣла она?.. Малиновка сидитъ на вѣточкѣ самъ-другъ, носикъ къ носику, и обѣ птички весело машутъ крылышками...

— Птички Божія, птички вольныя поднебесныя! подумала Олинька я завидую вамъ, пестрокрылыя.. Вы любите другъ друга—и солнышко привѣтно улыбается вамъ, и кусточекъ даетъ надежный пріютъ и ни что не возмущаетъ вашего счастія: не боитесь вы недобраго взгляда не пугаетъ васъ чужая молва, чужіе пересуды... Подуетъ ли нескромно игривый вѣтерокъ, распуститъ-ли шаловливый цвѣтокъ любопытный, пчела-ли золотая прожужжитъ слова нескромныя—вспорхнули и были таковы... А я!.. Олинька вздохнула, потомъ, какъ будто опасаясь, что кто-нибудь подслушаетъ ея мысли, обернулась, р[illegible]

взглянула на окна дома и, увидавши въ одномъ изъ нихъ полусонное, сердитое лицо Яковлевны, потупила глазки, закраснѣлась и продолжала поливать цвѣты.

Болѣе часу провела Олинька въ этомъ занятіи, и когда, возвращаясь домой, взялась за скобку двери ведущей въ покои отца, звонкій голосокъ мачихи заставилъ ее остановиться... Читатель!., простите ей нескромное любопытство—вѣдь Олинька была женщина.

И такъ дѣвушка приложила ухо къ дверямъ и услышала...

Полно, полно! Яковлевна, болтать пустое, говорилъ отецъ Олиньки, старикъ Булавкинъ, къ чему спѣшить? надъ нами еще не капаетъ, такъ сказать; Олинька у насъ еще не перестарокъ какой, прости Господи! Прилетъ часъ воли Божіей, сыщется женишокъ, приглянется невѣстѣ и ударимъ по рукамъ, а спѣшить такимъ дѣломъ не приходится... Аль дѣвка намъ надоѣла? Слава Тебѣ, Господи, достанетъ съ излишкомъ и не про насъ: нарядовъ ей носить не переносить, сластей—сколько душѣ угодно...

— Эхъ! Михеичъ, Михеичъ!.. прервала скороговорящая мачиха, да кто про это говоритъ, что Олинька намъ въ тягость, пусть ее живетъ, голубка моя, ты знаешь, я люблю

ее словно свое дѣтище, какого взгляда никогда не кину, словечкомъ не обижу... хи, хи, хи!..

Яковлевна, говоря это, захныкала. Олинька улыбнулась и вмѣстѣ вздохнула. Ну, ну знаю, началъ снова Булавкинъ, такъ о чемъ же ты хлопочешь?..

— А вотъ о чемъ продолжала Яковлевна, понизивъ голосъ, ты не вѣдаешь того, что я знаю, я сама была молода, сама слыла невѣстою... Коли дѣвушкѣ стукнетъ за шестнадцать, такъ уже за ней надобно глаза да глаза... Правда, она, у насъ скромница притоманная, и не къ ней буди рѣчь моя, а все-таки воля твоя, Михеичъ, тѣмъ скорѣе сбудемъ ее съ рукъ, тѣмъ лучше... Избави Господи, какъ ей придетъ на умъ полюбить кого-нибудь...

— Такъ что же за бѣда? спросилъ Булавкинъ съ удивленіемъ, пусть полюбитъ добраго человѣка, мы не прочь отъ хорошаго зятя— и по рукамъ ударимъ...

— Что-ты, въ умѣ-ли Михеичъ? затрещала Соломонида, да гдѣ видано, чтобы молодая дѣвушка сама себѣ жениха выбрала... Да не приведи Господи этого несчастія и злому татарину... Что ты?.. Пусть вашъ [illegible] добраго человѣка, анъ глядишь добрый [illegible]

вѣкъ выйдетъ какой нибудь пузырь мыльный, голь горемычная, дѣвку-то погубитъ — а съ него взять нечего.. Нѣтъ, мой отецъ, опять таки скажу; за взрослой дѣвкой надо глаза, да глаза... Строго повести — нельзя, всякій скажетъ: «вотъ дескать что значитъ не родная мать»...

— Полно болтать, Яковлевна, замѣтилъ старикъ, коли будешь добру учить падчерицу, никто не скажетъ, что ты злая мачиха; а вотъ если всегда будешь по своему обычаю, трещать изъ пустяковъ съ-утра до вечера, такъ на чужой ротокъ не накинешь платокъ — говорится пословица... Соломонида снова захныкала:

— Такъ и есть, молвила она всхлипывая, я это знала, что моимъ же добромъ, мнѣ же челомъ по подзатыльницѣ... Богъ съ тобой Михеичъ, обижай коли надо мной попавленъ набольшимъ! Я баба скромная, податливая, помню писаніе Божіе, помню, что читали въ церкви: «мужъ голова жены!» а все не умолчу въ правомъ словѣ: время подумать объ Оленькиной свадьбѣ; если бы я не любила ее, не желала бы ей добра... выйдетъ замужъ, своя будетъ воля, сама будетъ набольшая... Я за перваго мужа вышла моложе ея и стала полною хозяйкою...

— Ну, что же въ этомъ толку, Яковлевна? возразилъ полупутливымъ топомъ Булавинъ: вышла ты за-мужъ молоденькая за шестидесятилѣтняго старика, рано стала хозяйкою, рано волю свою нажила — и мужа взяла въ руки... Старикъ бился, бился да черезъ пять лѣтъ и Богу душу отдалъ, ты въ другой разъ вышла за меня — ну! и иной-то такъ хотьла помыкать, какъ старыми котами своими... Да сбылась бы, Яковлевна, право сбылась бы на мнѣ участь твоего покойника, кабы я поддался тебѣ на первыхъ порахъ... А то помнишь — я смекнувши дѣломъ разъ пятокъ угостилъ тебя порядкомъ, да раза три чегыре по суткамъ выдержалъ на хлѣбѣ и водѣ въ амбарѣ — вотъ ты и поприсмирѣла... Хоть правду сказать — языкъ-то и теперь дологъ, да за то рукамъ воли не даешь... Ну и то сказать — кто и старое помянетъ тому глазъ вонъ! Будемъ ужъ съ тобой доживать вѣкъ, а не начинать жить... Скажи-ка лучше, кого ты хочешь Олинькѣ?.. Если онъ и впрямь человѣкъ хорошій такъ посовѣтуемся съ невѣстою, опросимъ у добрыхъ людей...

— Вотъ такъ-то-бы давно, вскричала радостно Яковлевна; спасибо, что согласился со мною, а ужъ за то про жениха, хоть и не опрашивай никто дурнаго слова не скажетъ,

скромникъ, умникъ и копѣйку имѣетъ и жизнь ведетъ постоянную и степенную...

— Да объ комъ это ты говоришь? спросилъ Булавкинъ. Ужъ не старину ли затѣяла, небось опять про сосѣда рѣчь?.. Если о немъ такъ нечего сказать, не спиблась: глупымъ его назвать нельзя да ему и быть дуракомъ совѣстно. пора другихъ учить уму-разуму; скроменъ онъ—и это правда, что же тутъ удивительнаго, пора, подъ пятьдетятъ лѣтъ, перебѣсится... Все это лакъ! да только воля твоя, а сосѣдъ Олинькѣ не пара; ты помнишь что она отвѣчала на наши слова: что за Пантелеймона Кузмича, что въ воду съ камнемъ, все равно!.

— Эхъ! Михеичъ, Михеичъ, заговорила Соломонида, не давши мужу кончить рѣчей, дожилъ до сѣдыхъ волосъ, а не смекнешь дѣломъ, что молодой дѣвушкѣ коли и любъ женихъ, такъ все скажетъ что не по-сердцу... Воля твоя Михеичъ, ты мнѣ голова, дѣлай какъ вѣдаешь, я баба смирная, податливая. а по моему глупому разуму, такой женихъ находка... Воля твоя...

Нѣсколько минутъ Булавкинъ не отвѣчалъ на слова жены, потомъ, какъ-бы послѣ раздумья, всталъ съ своего мѣста и отходя сказалъ: нѣтъ не бывать этому!..

— Такъ быть же, быть по моему! затрещала Яковлевна и вслѣдъ за тѣмъ что-то подобное горшку, ударившись объ полъ, разлетѣлось въ дребезги... шаги послышались ближе къ двери и Оленька поспѣшила удалиться. Дѣвушка увѣрена была въ любви отца и въ томъ, что безъ ея согласія, онъ не рѣшится выдать ея за-мужъ за немилаго, но при всемъ томъ сердце ея невольно забилось и вздохъ, тяжелый вырвался изъ полной груди... Былъ-ли это невольный вздохъ сироты, предвѣстникъ будущаго, или предчувствіе?.. Рѣшать не наше дѣло...

III.

Любовникъ въ саду. Жена въ амбарѣ.

Незнакомецъ.—Тѣнь.—Догадки.—Запасный амбаръ.—Господинъ въ корабликѣ.—Узницы.—Причина заключенія.—Мировая сдѣлка.—Приглашеніе—исторія подъячаго Цапцарапкина.—Неудовольствіе.—Угрозы.—Тайна.—Признаніе.—Сынъ пріятеля.—Еще исторія.—Условіе.

Въ тотъ же самый день, вечеромъ, что-то осторожно перелѣзъ чрезъ частый плетень, въ огородъ Булавкина и скрылся въ чащѣ липовыхъ деревьевъ... но въ тоже время дверь въ домѣ Булавкина отворилась и какая-то тѣнь

мелькнула въ калиткѣ огорода *); если бы мы не боялись прослыть нескромными, то судя по походкѣ этой тѣни и по ея свѣтлоголубому сарафану, замѣтили бы вамъ, что она походила на Олиньку... Оставимъ на время свои догадки и посмотримъ, что дѣлается въ противоположной сторонѣ двора Булавкина, тамъ гдѣ стоитъ его амбаръ.

Въ то самое время, когда незнакомецъ перелѣзъ черезъ плетень, какой-то человѣкъ робко прохаживался около амбара и, то пробовалъ замки, то подымался на цыпочки и заглядывалъ въ рѣшетчатое желѣзное окно.— Посторонній свидѣтель почелъ бы этого человѣка за вора, если бы широкій плащъ, кораблик на головѣ, бѣлые чулки и башмаки съ пряжками не говорили въ его пользу и не выказывали въ немъ человѣка должностнаго.

Прошедши еще нѣсколько разъ туда и сюда, господинъ въ кораблик повидимому потерялъ терпѣніе и поднявшись на цыпочкахъ къ окну, сказалъ слабымъ голосомъ:

— Соломонида Яковлевна? вы здѣсь или нѣтъ?..

---

*) Въ старину сады, наполненные фруктовыми деревьями, именовались огородами, вѣроятно потому, что вмѣстѣ съ этими фруктовыми деревьями росла капуста и прочія овощи, а мѣсто огораживалось частоколомъ.

— Здѣсь, мой батюшку, Пантелеймонъ Кузьмичъ, здѣсь, мой родной, отвѣчалъ изнутри плачевный голосъ и физіономія Олинькиной мачихи показалась въ рѣшетчатомъ окнѣ амбара...

— Въ силу же чего учинился съ вами казусъ? спросилъ господинъ въ кораблике...

— Ужъ вѣстимо насильно, кормилецъ, пошла ли бы я сама сюда охотою отвѣчала Яковлевна. Михеичъ засадилъ, чтобъ ему провалиться...

— За какую провинность, сирѣчь, за что такую мзду принимать изволите, или размолвочка вышла?..

— Вышла, мой отецъ, вышла махонькая размолвочка съ Михеичемъ а вѣдь все за тебя, мой соколъ ясный. Давесь, по твоей просьбѣ, хотѣла замолвить словечко на счетъ Олиньки, дѣло-то и пошло было на ладъ, старикъ мой сначала поднялъ меня на смѣшки,—я, помня твой приказъ вытерпѣла не поперечила ни капельки, потомъ онъ призадумался, думалъ, думалъ, да и отказалъ на отрѣзъ... Тутъ родной мой меня и взяло горе: прости пожалуй, не стерпѣла, крикнула на поридкахъ... Быть еще грѣху, случись у меня на [illegible] разъ горшокъ со вчерашней кашей, я ему [illegible]

Что дѣлать, такой ужъ обычай, родной мой, люблю горшечикъ другой къ сердцахъ разбить.

— Эхъ! плохо дѣло, Соломонида Яковлевна...

— Погоди, мой отецъ, я еще не все разсказала, выслушай до конца, какъ онъ оканянный, засо илъ-то меня сюда...

— Не безпокойтесь Соломонида Яковлевна, остальное я все понимаю, теперь дѣло не въ томъ, а вотъ надобно подумать, какъ бы васъ освободить изъ заключенія. Инаго средства, по многократнымъ смѣтамъ не предвидится, какъ идти къ Петру Михеичу и предложить ему мировую сдѣлку...

— Поди, поди, отецъ мой, попроси Михеича

— Что такое, о чемъ меня просить? раздался неподалеку отъ бесѣдовавшихъ голосъ Булавкина и старикъ подошелъ къ амбару... Ба, ба, ба, Пантелеймонъ Кузьмичъ, вскричалъ онъ, увидѣвши господина въ кораблик ужъ ты и пронюхалъ, сосѣдъ, что Яковлевна моя — нынче товаръ запрещенный, скоренько! Да не хлопочи о ней, пусть посидитъ, попростынетъ, вѣдь бабы и сердцемъ горячи и злопамятны, на мужѣ не возьмутъ такъ на горшкахъ вымѣстятъ зло... И Булавкинъ почти насильно потащилъ Пантелеймона Кузьмича въ

домъ... Пойдемъ, говорилъ онъ ему дорогою, выпьемъ по чарочкѣ, закусимъ — чѣмъ Богъ послалъ, мнѣ же съ тобою нужно перемолвить слова два...

— А Соломонида-то Яковлевна?

— Оставь ее, она нынче постничаетъ.

Съ этимъ словомъ Булавкинъ ввелъ сосѣда въ покои... Пока они пьютъ по чарочкѣ, закусываютъ чѣмъ Богъ послалъ и ведутъ рѣчи познакомимся въ нѣсколькихъ словахъ съ господиномъ въ корабликѣ..

Пантелеймонъ Кузьмичъ Цапцарапкинъ былъ закоренѣлый подъячій; происхожденіе Пантелеймона Кузьмича было покрыто мракомъ неизвестности, и злословіе, пользуясь таинственностію, поговаривало иногда якобы прашуръ или прадѣдъ Цапцарапкина состоялъ въ весьма незначительномъ рангѣ холопа.

Пантелеймонъ Кузьмичъ былъ женатъ два раза овдовѣлъ но при всемъ томъ у него не отпала охота отъ женитьбы и, въ силу того, онъ хотѣлъ попасть въ родство къ Булавкину. — У Пантелеймона Кузьмича былъ свой домикъ въ сосѣдствѣ съ Петромъ Михеичемъ, водились денежонки, и хотя уже около десяти лѣтъ Цапцарапкинъ оставилъ свое служебное поприще, гдѣ своевременно слылъ превосходнымъ ябедникомъ, но не оставлялъ еще

вовсе пера и желающимъ ябедничать на сосѣда писались челобитныя, и взимались за то полновѣсные рублевики... Наконецъ Пантелеймонъ Кузьмичъ ежедневно выпивалъ около штофа, а иногда штофъ *невступно* вишневки домашняго настоя, за что, какъ носились слухи, и удаленъ отъ мѣста... Вотъ краткая, но полная біографія Цапцарапкина, ни убавить, ни прибавить—болѣе нечего.

Не долго засидѣлся Пантелеймонъ Кузьмичъ у Петра Михеича; минутъ пять между ними происходилъ довольно жаркій разговоръ, послѣ котораго Цапцарапкинъ не допивши стойки съ вишневкою, выбѣжалъ вонъ изъ покоевъ, надѣлъ задомъ напередъ свой корабликъ и не слушая Булавкина который просилъ его воротиться.—убѣжалъ со двора, размахивая въ горячности руками и нашептывая себѣ подъ носъ какія-то угрозы...

Булавкинъ въ свою очередь, махнулъ рукою и сказалъ: бѣги себѣ куда хочешь, сердись, сколько душѣ твоей угодно, а я правду тебѣ молвилъ, что ты не въ мужья, а въ отцы годишься моей Олинькѣ! ..

Въ это время изъ амбара раздался жалобный голосъ Соломониды Яковлевны.

— Михеичъ, а Михеичъ? кричала она, да прости хоть ради пятницы-то, ей же ей ни-

когда горшковъ бить не буду, ни пустыхъ, ни съ кашею... И о Пантелеймонѣ Кузьмичѣ никогда словечка не промолвлю, провались онъ, окаянный, и съ святостью своимъ! Дѣлай какъ знаешь, воля твоя, Михеичъ, ты мнѣ голова, а я баба смирная, податливая... Сдѣлай милость, Михеичъ, выпусти!...

Булавкинъ ухмыхнулся; ну, ну такъ и быть повинную голову не сѣкутъ, не рубятъ! молвилъ онъ, знать выпустить тебя изъ засады... Да смотри впередъ держи ухо востро!...

— Буду, Михеичъ, воля твоя, буду, я баба смирная...

— Подожди же маленько, прервалъ Булавкинъ, я пойду огляжу огородъ, посмотрю заперта ли задняя калитка, назадъ пойду и тебя выпущу...

Сказавши это, Петръ Михеичъ отворилъ калитку огорода и отступилъ въ недоумѣніи назадъ.

— Олинька! это ты здѣсь, самъ-другъ, вскричалъ старикъ, почти отчаяннымъ голосомъ, нѣтъ! я не вѣрю глазамъ, это сонъ; ты никогда не согласишься посрамить сѣдыхъ волосъ моихъ.. О! увѣрь, обмани меня, что ты также невинна, какъ и въ первые дни своей юности, когда я нашивалъ тебя на рукахъ своихъ?...

Догадки наши оправдались, любезный читатель, тѣнь, мелькнувшая въ калиткѣ огорода, была дѣйствительно Олинька. Но, къ кому она поспѣшила на свиданье, увидимъ изъ объясненія которое неминуемо должно было произойти между отцемъ и дочерью...

Олинька упала къ ногамъ отца и обвивая ихъ руками, зарыдала.—Родитель мой! вскричала она клянусь, что даже тѣни упрека нѣтъ на моей совѣсти, я все та-же Ольга, которую ты носилъ на рукахъ с[illegible]... Отбрось сомнѣнія, родитель мой и [illegible] Богу что я никогда не приступала своихъ обязанностей.

— Вѣрю, мой другъ, вѣрю. но объясни мнѣ, разскажи, зачѣмъ ты здѣсь, въ такое время" кто онъ?... Говоря это, Булавкинъ указалъ на неподвижно стоявшаго человѣка, который склонившись головою о дерево былъ безмолвнымъ, но безпокойнымъ зрителемъ происходившей сцены.

— Кто онъ?... зачѣмъ онъ здѣсь? повторилъ Булавкинъ, поднимая дочь.

Въ это время незнакомецъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и луна, выглянувъ изъ-за облака освѣтила молодое красивое лицо его...

— Господинъ Булавкинъ! такъ началъ молодой человѣкъ, твердымъ и пріятнымъ голосомъ, справедливость словъ твоей дочери я

готовъ подтвердить клятвою,.. Если бы сегодня сама судьба не свела насъ такъ нечаянно, завтра я бы явился къ тебѣ и высказалъ все, что чувствую... Да, Петръ Михеичъ! я люблю дочь твою,.. прости меня, что осмѣлился полюбить ее безъ твоего согласія, прости ее, что и она безъ родительскаго позволенія полюбила меня. Сердце не властно! Петръ Михеичъ, можетъ быть и ты знаешь это и по себѣ... По крайней мѣрѣ сознавшись въ одномъ, никогда не упрекну себя ни въ одной черной мысли, которая бы могла пристыдить меня; ни одинъ нескромный взглядъ мой не заставлялъ краснѣть дочь твою, ни одно дерзкое слово мое не заставило ее раскаиваться въ томъ, что она полюбила меня... Вѣрь, Петръ Михеичъ, правому слову, отцы и дѣды наши не лгали и намъ не велѣли...

Пока молодой человѣкъ говорилъ эти рѣчи, Булавкинъ пристально взглядывался въ черты его и наконецъ сказалъ: не взыщи на старикѣ, имени и отечества твоего не знаю, не родственникъ ли ты покойнаго пріятеля моего Семена Семеныча Аршинова?...

Молодой человѣкъ улыбнулся. — Такъ ты узналъ меня, наконецъ, сказалъ онъ, узналъ того маленькаго Ванюшу, котораго бывало нашивалъ на рукахъ своихъ и которому

да, приходя въ домъ родителя, дарилъ либо сладкій пряникъ, либо игрушку, который любилъ ласкаться къ тебѣ... Вижу, ты узналъ меня... У Булавкина навернулись на глазахъ слезы... Родной ты мой, вск[illegible] онъ наконецъ и бросился обнимать [illegible]аго человѣка, такъ это ты, Иванушка, ты [illegible] ненаглядный, смотри пожалуй, не даро[illegible]говорится пословица: что старый старит[illegible] молодой растетъ; гдѣ же ты пропадалъ, красавчикъ мой?

— Тебѣ извѣстно, отвѣчалъ молодой человѣкъ что я лишился матери еще въ колыбели, я не помню ее; но до восьмилѣтняго возраста не зналъ и не чувствовалъ своего сиротства; добрый отецъ замѣнилъ мнѣ невозвратную потерю; за то съ кончиною его я уже утратилъ все, что мнѣ было мило и дорого. Ребенокъ еще я былъ тогда, но и теперь не могу вспомнить безъ слезъ той минуты, когда ее опустили въ сырую могилу велѣли мнѣ бросить горсть сырой земли на гробъ и священный клиръ возвѣстилъ усопшему «вѣчную память».. Ты былъ свидѣтелемъ моего сиротства и потому я удержусь отъ горестныхъ воспоминаній... Черезъ недѣлю послѣ кончины родителя, дядя и душеприкащикъ покойнаго увезъ меня въ Москву и я былъ лишенъ послѣдній отрады — оплакивать

его, проводя часы горя на могилѣ... Но время—лучшій врачъ несчастія, говоритъ пословица при томъ же дядя, заступившій мѣсто отца, любилъ меня—и я, подъ его присмотромъ, вскорѣ сдѣлался порядочнымъ торговцемъ... Довольно путешествовалъ я съ товарами, былъ въ Питерѣ, нагляделся тамъ на батюшку-Государя, бывалъ и за моремъ — насмотрѣлся всякихъ разныхъ диковинокъ; но ни Питеръ, ни чужія земли не могли изгладить изъ сердца моего родины, и наяву и въ сновидѣніяхъ мнѣ грезился нашъ добрый Муромъ и я летѣлъ мыслію сюда подъ родной кровъ къ могилѣ отца... Господь, между тѣмъ судилъ мнѣ испытать послѣднюю потерю, и я лишился своего благодѣтеля... Съ этой минуты мысль о возвращеніи на родину сдѣлалась любимою моею мыслію... и вотъ уже третій мѣсяцъ, какъ я здѣсь...

— Третій мѣсяцъ, возразилъ Булавинъ съ упрекомъ, третій мѣсяцъ въ Муромѣ и не навѣстилъ меня? стыдно и грѣшно, Иванъ Семеновичъ, съ родителемъ твоимъ мы не такъ живали... И знаешь ли, присовокупилъ старикъ въ полголоса, будь твой батюшка живъ — мы бы давно съ тобой переродились, эта была любимая его мысль, любимое слово... Бывало соберемся вечеромъ побесѣдовать за

чаркою вишневки, а онъ наполнивши сулеечку, чокнется со мною да скажетъ: нутко, нарѣченный сватушка, выпьемъ, за жениха съ невѣстой, да ударимъ по рукамъ!. Такъ говаривалъ покойный родитель твой и вѣрно словамъ его сбыться... Да только вотъ что, сказалъ Булавкинъ послѣ кратковременнаго молчанія, я вѣрю тебѣ, Иванъ Семеновичъ, и если ты пошелъ по родителѣ — такъ Богъ благословитъ тебя, но воля твоя — дорогое имя дочери, для меня дороже собственнаго счастія — и ты не увидишь ее до тѣхъ поръ, ты не долженъ ее видѣть, пока добрые люди не узнаютъ, что ты за нее сватаешься. Да ты, можешь видѣться съ нею, какъ съ своей невѣстой, иначе не взыщи...

— Выслушай рѣчи мои до конца, Петръ Михеичъ, сказалъ молодой человѣкъ, перервавши слова старика, выслушай и повѣрь мнѣ, что намѣренія мои чисты и честны. Пріѣхавши въ Муромъ, увидѣлъ дочь твою въ храмѣ Божіемъ, увидѣлъ и полюбилъ ее; сначала я скрывалъ свои чувства и отъ людей и отъ нея, потомъ осмѣлился открыться ей и получилъ въ отвѣтъ взаимное признаніе; но это то самое обстоятельство и было причиною, что до сихъ поръ я не рѣшился явиться къ тебѣ, робость ли была тому виною, или судьба все

строитъ по своему, не знаю, по крайней мѣрѣ, вымолвивши у ней сегодня свиданіе, я явился въ назначенное время съ искреннимъ желаніемъ условиться о завтрашнемъ открытіи. Да! мы уже положили, что съ восходомъ солнца я долженъ явиться къ тебѣ — и, сознавшись въ любви своей, просить твоего благословенія. Уже мы хотѣли разстаться, какъ вдругъ случай привелъ тебя сюда — ты узналъ ранѣе то, что узналъ-бы завтра утромъ... Я все, Петръ Михеичъ и клянусь, что въ словахъ моихъ нѣтъ и тѣни неправды, — суди, какъ знаешь...

— Вѣрю, вѣрю желанный мой, возразилъ Булавкинъ, обнимая молодаго человѣка, и такъ до утра... да только вотъ что, Иванъ Семенычъ, вѣдь у насъ не за-моремъ, не случается, чтобы самъ женихъ сваталъ себѣ невѣсту; засылай-ка любезный сваху, такъ ужъ водится, и чтобы никому во снѣ не приснилось, что я засталъ тебя и Олиньку въ саду. Прощай!..

Съ этимъ словомъ Булавкинъ отперъ заднюю калитку и, еще разъ обнявши обрадованнаго любовника, проводилъ его, пожелавши счастливаго пути...

— Тебѣ, Олинька, сказалъ Булавкинъ идя съ дочерью изъ города, я не буду дѣлать ни

упрекнетъ, хоть и было бы за что!.. Богъ съ тобой!.. Только смотри чтобы Яковлевна не проѣхала, вѣдь ты ее знаешь!.. Правда! баба она добрая, а ужъ не взыщи — языкъ ея врагъ!.. Ну прощай, ступай съ Богомъ и ложись спать...

Благословивъ дочь, Булавкинъ проводилъ ее глазами до самой двери, и когда дѣвушка скрылась, онъ отправился къ амбару, чтобы выпустить оттуда несчастную узницу.. Вскорѣ въ домѣ всѣ уснуло — кромѣ дѣвическаго воображенія...

IV.

Сваха.

Занавѣска.—Сваха.—Рѣчи.—Созерцанія прошедшаго.—Товаръ и купецъ—Неласковый пріемъ.—Кадокъ купецъ? голь горемычная.—Перетѣна.—Приданое.—Милости просимъ.—Рублевикъ.

На другой день утромъ Олинька, по обыкновенію своему, не явилась въ огородъ, не поливала цвѣтовъ, не слушала пѣсенъ малиновки... Окно ея комнаты было задернуто занавѣской и только любопытный взоръ могъ замѣтить, что иногда эта занавѣска легонько

колыхалась и свѣжее, розовенько личико дѣвушки прислонялось къ холодному стеклу. Но куда обращались взоры дѣвушки?.. на заѣтный ли розовый кустъ или красивая малиновка манила къ себѣ взгляды моей Муромской героини!.. Богъ вѣсть! Трудно разгадать сердце дѣвушки однимъ имъ извѣстно искусство — ни на что ни смотрѣть и все видѣть .. По статистическимъ извѣстіямъ, того времени, явствуетъ, что изъ оконъ Олинькиной свѣтлицы видна была часть сосѣдней улицы. На концѣ этой улицы былъ домъ, на крышѣ котораго красовались росписные рѣзные коньки, и домъ этотъ принадлежалъ человѣку торговому, Ивану Семенычу Аршинову... Здѣсь перерываются статистическія свѣдѣнія и намъ остается только догадываться, что Олинька смотрѣла на этотъ домъ, по временамъ и на ворота... и ожидала посланницы, которая должна была начать сватовство...

Ожиданія не обманули Олин ку... часу въ десятомъ утра, колеса домашней телѣжки застучали по невымощенной сосѣдней [illegible], пыль поднялась клубомъ и вскорѣ появился у воротъ домъ Булашкина... Занавѣска въ окнѣ Олинькиной комнаты заколыхалась сильнѣе, и въ то же время на крыльцо взобралась пожилая, толстая женщина... Она [illegible]

ла набѣлена и нарумянена до невозможности, въ одеждѣ ея виднѣлась смѣсь взыскательности къ умышленнымъ безвкусіямъ; пучки лентъ и лоскутьевъ разнаго цвѣта развѣвались на шелковомъ платкѣ, которомъ повязана была голова ея и на кисейныхъ рукавахъ, раздутыхъ на подобіе двухъ ведерныхъ боченковъ.— Читатель вѣроятно догадывается, что пріѣзжая была сваха...

Петръ Михеичъ и Соломонида Яковлевна сидѣли въ одной комнатѣ.—Первый щелкалъ на счетахъ и время отъ времени, поглядывалъ на улицу... Онъ ожидалъ предстоящаго посѣщенія... Вторая шила себѣ карманъ изъ остатка парчи—и, ничего неожидая, повидимому была погружена въ созерцаніе амбарнаго заключенія своего .. Частые вздохи, похожіе на вздохъ паровой машины, взглядъ изъ подлобья и какое-то судорожное движеніе губъ, сопровождамое едва внятнымъ шепотомъ, доказывали, что вчерашнее наказаніе еще не изгладилось изъ ея памяти... Вообразите же себѣ удивленіе Соломониды Яковлевны, когда она увидѣла входящую сваху...

Между тѣмъ сія послѣдняя, несмотря ни на улыбку Булавкина, ни на вопросительный взглядъ жены его, приступила къ исполненію возложеннаго на нее порученія, какъ и

слѣдуетъ по порядку; вопервыхъ она помолилась въ передній уголъ Святымъ иконамъ, потомъ поклонилась въ поясъ Петру Михеичу, послѣ отвѣсила поклонъ Соломонидѣ Яковлевнѣ и наконецъ начала скрипучимъ теноромъ: здравія и сто лѣтъ счастія батюшкѣ Петру Михеичу, здравія и сто лѣтъ счастія матушкѣ Соломонидѣ Яковлевнѣ, чтобъ жить и не прожить славы, почистей, чтобы амбары ваши ломились отъ бѣлояровой пшеницы, чтобы кладовыя ваши полны были золота... И дай вамъ Господи и пошли вамъ Господи совѣтъ и любовь, надѣли васъ Царица небесная внучками и правнучками...

— Спасибо, спасибо, Савишна! молвилъ Булавкинъ; какъ живешь-можешь? садись-ка, голубка, да разскажи, какой вѣтеръ занесъ тебя въ вашу сторону!..

— Слава Тебѣ, Господи, батюшка Петръ Михеичъ, начала Савишна, вашимъ радушіемъ — какъ костылями подпираемся; залетѣла я къ вамъ, мои желанные, не воронною кривокрылою, а ясным соколомъ, прилетѣла я къ вамъ не съ полудня и съ полуночи, а прямо съ востока свѣтлаго... Привезла я вамъ, мои дорогіе, вѣсточку не кручинную, а радостную, просимъ любить да жаловать, принять да чествовать, какъ чествуютъ заморскіе купцы до-

рогихъ гостей-покупателей. . У насъ батюшка Петръ Михеичъ, у васъ мать моя, Соломонида Яковлевна, есть дорогой товаръ, а у насъ есть зажиточный купецъ...

— Что ты, Савишна, аль сватать явилась за Олиньку жениха? спросила Соломонида, взглянувши на сваху полусердито, полуласково.

— Воистину, моя драгоцѣнная, отгадала всю правду, всю истину... Ольга Петровна у васъ невѣста на возрастѣ, товаръ на готовѣ, время подумать о покупателѣ.

— Э, что ты мать моя, возразила Яковлевна, что она за невѣста, пусть себѣ поживетъ при насъ — и ей сподручнѣе и намъ веселѣе...

— Ой-ли? давно ли такъ ты стала думать, аль совчерашняго дня какъ въ амбарѣ побывала? сказалъ Булавкинъ, угадывая мысль жены своей; да не безпокойся, мы тебя не заставимъ думать да рѣшать; рѣшать безъ тебя... Ну-ка, Савишна, садись да разсказывай кто твой зажиточный купецъ, въ моготу-ли ему купить нашъ диковинный товаръ.

— Да такъ-то въ моготу, батюшка Петръ Михеичъ, затрещала сваха, между тѣмъ какъ Яковлевна вздыхая углубилась въ работу, такъ-то въ моготу, что другой, прочей пары-чки искать не сыскать... Молодецъ такой,

что на-поди, собою красавецъ диковинный взглянетъ ли — словно рублемъ подаритъ, улыбнется ли словно медомъ напоитъ, а словечко ласковое скажетъ — такъ плясать пойдешь... Сирота онъ правда, нѣтъ у него матери — ну да вы-то на что? Вы будете ему родителями... За то онъ самъ себѣ большой, самъ себѣ господинъ, а домъ-то словно чаша полная, казны и счету нѣтъ, а съ товарами за море чуть чуть корабли не ходятъ... Просимъ, родные мои, любить и жаловать, полюбите — и самимъ слюбится и насъ наградите и озолотите за хлопоты.

— Отчего же и не такъ! замѣтилъ Петръ Михеичъ улыбаясь, мы не прочь отъ благодарности; да раскожи-ка намъ, кто этотъ и богатый и тороватый?..

— Разскажу, разскажу, мой отецъ, и голову прозакладую, что останетесь довольны! отвѣчала съ гордостью Савишна.

— Ну-ка, ну-ка, дерзай Савишна!..

— Изволь мой благодѣтель, безъ прикрасъ безъ выдумокъ — молвлю прямо за Ольгу Петровну сватается сосѣдъ вашъ и сынокъ вашего покойнаго благопріятеля Иванъ Семенычъ Аршиновъ!.. Ну мой батюшка, что изволишь сказать теперь, небось — нелюбъ?.. да нѣтъ! я вѣдь знаю, ты не другой, прочій

ты старый воробей, тебя не проведешь на мякинѣ, и счастіе дочки для тебя дороже камней самоцвѣтныхъ.

— Экъ съ чѣмъ подъѣхала,, возразила сердитымъ тономъ Соломонида Яковлевна, внутренно недовольная сватовствомъ Савишны, выдаетъ, за купца тароватаго — голь горемычную; скитался-скитался по чужимъ угламъ да знать промоталъ отцовское достояніе, такъ и вздумалъ жениться.

— Не совсѣмъ-то правда, сударыня Соломонида Яковлевна, сказала Савишна, обиженнымъ голосомъ самолюбія, никто отродясь не говаривалъ такихъ рѣчей про Ивана Семеныча: ѣздилъ онъ въ Москву и въ Питеръ, погулялъ и въ чужихъ земляхъ, а въ чужихъ углахъ не проживалъ, отцовскаго имѣнія ему жить не прожить его — и голь горемычная около его кормится ,,

— Что съ ней толковать, Савишна, прервалъ Булавкинъ, ты видишь она не въ себѣ, отъ нея пахнетъ еще вчерашнимъ амбаромъ, одичала совсѣмъ! говори со мною: мнѣ женихъ твой любъ и посердцу; съ родителемъ его покойнымъ мы хлѣбъ-соль важивали, самого его сластями кармливали, и будь живъ его старикъ — навѣрно бы породнились...

Савишна низко поклонилась и сказала:

— Спасибо тебѣ, Петръ Михеичъ, на добромъ словѣ, приведи Господи устами твоими медъ пить... Стало быть дѣло то наше и въ шляпѣ, повидать бы невѣсту переполнить съ нею. да и по рукамъ, коли женихъ ей, придетъ по сердцу... А за благословеніемъ дѣло не станетъ, уходится и Соломонида Яковлевна, благословитъ и она, вѣдь я знаю; хоть по родству она и мачиха, а любитъ свою падчерецу, что родная мать...

Яковлевна разсчувствовалась и захныкала... Воля Михеича, сказала она, мнѣ голова, пусть себѣ дѣлаетъ что знаетъ, а я баба смирная и податливая, а коли словечко другое и вырвалось, такъ не взыщи — свой своему поневолѣ другъ, замужъ дѣвку отдать, не кумачъ изъ амбара продать... за каждый вздохъ, за каждую слезинку Олинькину придется отвѣчать Царю Небесному.

— Постой ка, Савишна, началъ Булавкинъ, много мы съ тобой переговорили, а о самомъ-то важномъ и словечка не молвили... Слыхалъ я, будто въ чужихъ земляхъ, за моремъ народы бусурманские невѣстъ-то на вѣсъ серe-

бра покупаютъ; прости Господи, и обычай то бусурманскій... Булавкинъ, плюнулъ... Ну, а вѣдь у насъ, православныхъ, отецъ да мать надѣляютъ, по силѣ, по мочи, дочь свою приданымъ... Много ли Иванъ Семеновичъ требуетъ благостыни? «счетъ дружбы не портитъ,» говорится пословица, а близкой разчетъ— дальная дружба.

— Истинно, истинно! отвѣчала Савишна, умную рѣчь слушать любо... Былъ и объ этомъ разговоръ, благодѣтель мой, да прости пожалуй, на радостяхъ, я и забыла...

Ну-ка, ну-ка послушаемъ, что женишокъ дорогой говорилъ о приданомъ?.. спросилъ Булавкинъ.

— А вотъ что, желанный мой, отвѣчала Савишна, когда я намекнула о благостынѣ, Иванъ Семенычъ и молвилъ: коли дескать зайдетъ объ этомъ рѣчь, такъ ты, Савишна, входить въ торговлю отнюдь ни моги, я во всемъ полагаюсь на Петра Михеича, дочь его— и воля, авось не обидитъ дочь свою. Я его знаю, дескать добрый онъ человѣкъ, а добрый человѣкъ худымъ отцемъ быть не можетъ...

— И впрямь такъ! вскричалъ Булав-

кипъ, съ самодовольствіемъ поглаживая бороду, ай да Семенычъ, спасибо ему! Вѣстимо, дочь моя, и я ее не обижу, награжу по родительски, а умру — все имъ останется... Съ Богомъ же, Савишна поѣзжай къ жениху, да скажи ему: Петръ Михеичъ приказалъ, дескать, тебѣ кланяться и сказать спасибо за ласку, за честь, и отъ этой дескать чести не прочь ни онъ, ни Соломонида Яковлевна. Просимъ милости завтра къ намъ на вечерокъ посидѣть, поговорить и невѣсту, какъ водится, посмотрѣть и пѣсенокъ послушать... А это вотъ тебѣ впередъ за хлопоты, дѣло сладимъ и не такъ подаримъ...

Съ этимъ словомъ Булавкинъ вынулъ изъ ларца серебрянный рублевикъ и подалъ свахѣ...

Савишна, принявши подарокъ, начала раскланиваться и заученныя фразы градомъ посыпались на Булавкина: благодарна, отцы мои, по горлышко довольна, мои ненаглядные, и создай вамъ Господи, и пошли вамъ Господи, жить да и не старѣться, а золоту да серебру и счету не знать!.. Чрезъ минуту телѣжка застучала... Савишна отправилась въ обратный путь и въ тоже время занавѣска въ окнѣ Олинькиной комнаты снова заколыхалась... Каково-то было любопытству дѣвушки?..

V.

Рукобитіе.

Свадебная пѣсня.—Собраніе въ домѣ Булавкина.—Ущатъ съ виномъ.—Старинный обычай.—Благословеніе.— Рукобитіе.—Сваха —Бокалъ съ заморскимъ виномъ.—Еще пѣсня.

Слава богу на небѣ—слава!
Слава царю бѣлому на землѣ—слава!
Кому это пѣсенку распѣваемъ,
Кого въ этой пѣсенкѣ величаемъ:
Поемъ мы молодчику удалому,
Какъ Ивану свѣтъ Семенычу раскрасавицу.
Поемъ ее дѣвицѣ-голубицѣ,
Ольгѣ свѣтъ Петровнѣ распрекрасной *).

Такъ пѣли дѣвушки въ домѣ Булавкина и гулъ стройныхъ голосовъ далеко разносился по вечерней зарѣ.

Это было вечеромъ, на другой день послѣ посѣщенія свахи... Все доказывало, что въ домѣ Булавкина происходитъ что-то необык-

*) Эту пѣсню мнѣ случилось однажды слышать въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ нашихъ, и я помѣстилъ ее здѣсь потому что она нѣкоторымъ образомъ отлична отъ обыкновенныхъ свадебныхъ пѣсенъ по общей русской пословицѣ—«что городъ—то норовъ, что деревня—то обычай».

новенное, у растворенныхъ оконъ толпился народъ, покои и сѣнцы были полны любопытныхъ, на дворѣ, около ушата съ домашнею брагою толпились православные мужички и люди посадскіе, черпали брагу желѣзнымъ ковшемъ и пили за здравіе купца Булавкина.

Въ большой гостинной комнатѣ собрались гости почетные; въ переднемъ углу сидѣлъ приходскій священникъ отецъ Іоаннъ, подлѣ него помѣщался, по правую руку весь причтъ церковный, по лѣвую возсѣдала попадья и вела рѣчь съ діаконицей, ниже толковала дьячиха съ пономарихой, и уже подлѣ послѣдней, потупивъ глазки въ землю, сидѣла Олинька...

Въ старину было не такъ какъ нынѣ, тогда всякое дѣло начиналось съ благословеніемъ священника, и не одна свадьба не обходилась безъ того чтобы весь причтъ церковный не присутствовалъ при свадебныхъ обрядахъ. Замѣчаніе мое относится прямо къ купеческому быту, который играетъ главную роль въ настоящемъ разсказѣ моемъ. — Не знаю, соблюдается ли подобное обыкновеніе во всѣхъ провинціяхъ нашихъ, не знаю потому что никогда не случалось быть очевидцемъ онаго, но что еще не совершенно вывелось изъ употребленія, это доказывается и по сіе время обычаемъ нѣкоторыхъ жителей держащихся старины. Они

при началѣ свадьбы за первый долгъ почитаютъ— пригласить священника и съ его благословенія приступить къ дѣлу: если же попадья приметъ снисходительно приглашеніе отца и матери невѣсты, согласится присутствовать при обрученіи, на-сговорѣ и тому подобномъ, даже если вмѣсто себя уполномочить дочь свою — невѣсту, это считается величайшею честію и счастіемъ...

И такъ Олинька помѣщалась послѣ пономарихи, за невѣстою тянулся цѣлый рядъ бабушекъ, тетушекъ, кумушекъ и сестрицъ .. рядомъ съ пономаремъ занималъ мѣсто Иванъ Семенычъ съ отрядомъ дѣдушекъ, дядюшекъ куманьковъ и братцевъ... Въ сосѣдней комнатѣ сидѣли Дѣвуши— пѣвицы и величали жениха съ невѣстою, а Петръ Михеичъ, Соломонида Яковлевна и Савишна хлопотали, бѣгали, принимали гостей..

На дубовомъ столѣ, покрытомъ камчатною скатертью и стоявшимъ подъ святыми иконами, лежалъ пшеничный хлѣбъ и стояла икона Богоматери, предъ которою горѣла алтынная свѣча желтаго воску... Вотъ наконецъ собрались всѣ жданные гости и Петръ Михеичъ, подошедши къ священнику, низко поклонился и сказалъ:

— Благослови, батюшка, на доброе дѣло!

Почтенный служитель алтаря встал съ своего мѣста, благословилъ Булавкина, и потомъ подозвавши къ себѣ жениха и невѣсту, сказалъ первому: знаешь-ли, Иванъ Семенычъ, зачѣмъ я приглашенъ сюда?.. Не для того только, чтобы пиръ пировать и порадоваться вашей радости... нѣтъ! долгъ мой, долгъ пастыря благословить именемъ Господнимъ доброе дѣло и встати твердою стѣною препятствія противъ мыслящихъ злое... Я зналъ твоего родителя, сынъ мой, и вѣрю искренности твоего сердца, чистотѣ твоихъ намѣреній, а потому да мимо тебя идетъ послѣдняя рѣчь моя... Отвѣчай-же мнѣ, Иванъ Семенычъ, — по сердцу-ли тебѣ дочь Петра Михеича, обѣщаешься ли любить и хранить ее, какъ зѣницу ока?

— Обѣщаюсь и клянусь, батюшка! отвѣчалъ молодой человѣкъ тихо, но внятно.

— Не клянись передъ людьми, сынъ мой! началъ снова священникъ, поклянись въ тайнѣ сердца своего передъ алтаремъ Господнимъ и храни клятву — тогда Господь благословитъ тебя...

Благословивши жениха, священникъ обратился къ Олинькѣ: то, что я говорилъ Ивану Семенычу, скажу и тебѣ, Ольга [illegible]овна, тебя ожидаетъ жизнь незнаемая. Любъ-ли те-

бѣ женихъ, надѣешься ли ты любить его и быть счастливою?,.

Едва слышное: да! вырвалось изъ устъ дѣвушки и Булавкинъ обнялъ, со слезами на глазахъ, жениха съ невѣстой; его примѣру послѣдовала Соломонида Яковлевна стараясь насильно заплакать... Голубица ты моя бѣлая, ласточка ты моя легко-крылая, начала она причитывать, куда ты, моя ненаглядная, собираешься, или летишь ты за море отъ бури, отъ непогоды, или нѣтъ у тебя роднаго, теплаго гнездышка, аль сокрушили тебя люди недобрые, со свѣту согнала злая мачиха?... Голубица ты моя бѣлая, ласточка ты моя быстрокрылая, не одна ли ты у насъ радость; не одно-ли утѣшеніе? Смотримъ мы на тебя не насмотримся, слушаемъ тебя не наслушаемся...

И Яковлевна разговорилась до того что всѣ бабушки и тетушки, кумушки и сестрицы разрыдались а Булавкинъ вынужденъ былъ унять жену свою и тотчасъ же приступлено было къ благословенію... Мучной торговецъ, Архипъ Ильичъ Пудовиковъ, заступалъ мѣсто отца Ивана Семеныча... Взяли старики со стола икону Богоматери, взяла Яковлевна бѣлый коровай, начали класть женихъ съ невѣстою земные поклоны и благословеніе совершили

лось... Потомъ Булавкинъ подвелъ Олиньку къ названному отцу женихову, и, ударивши рукою-объ руку Пудовикова, сказалъ: «запродалъ я тебѣ господинъ Архипъ Ильичъ, свой дорогой товаръ за цѣну не малую, отдаю я за твоего молодца-сынка свою дочку ненаглядную, просимъ любить да жаловать, заступить ей мѣсто отца, матери учить добру уму-разуму... А слово держать честно кто измѣнитъ слову—тотъ измѣнитъ дѣлу—и да будетъ ему стыдно...

Поклонился Пудовиковъ Петру Михеичу и, указывая на названнаго сына, отвѣчалъ съ поклономъ; «довольны мы, господинъ Петръ Михеичъ, твоею милостью, покупаемъ твой дорогой товаръ беремъ твою дочку ненаглядную, обѣщаемъ держать слово свое, обѣщаемся исполнить волю твою и вдругорядъ за милость твою кланяемся! женихъ и Пудовиковъ снова поклонились...»

Когда всѣ снова усѣлись по мѣстамъ своимъ, сваха Савишна явилась среди комнаты съ бокаломъ заморскаго вина и, поклонившись низко всему честному собранію, начала на распѣвъ: «разступитеся, вы разойдитеся, люди добрые, гости милые, не толпитеся, постарайтеся, люди добрые, мѣсто свахѣ дать;

какъ у свахи ли теперь праздничекъ, пей она сколько хочется...»

Въ тоже время въ сосѣдней комнатѣ хоръ дѣвушекъ запѣлъ пѣсню:

Сваха старая разрумянилась,
Сваха старая разбѣлилась,
Пошла свахонька сватать молодца
Пошла свахонька сватать дѣвицу...

Да всего и не перескажешь чѣмъ и какъ веселились въ этотъ вечеръ гости въ домѣ Булавкина, только за полночь утихло веселье и всѣ разошлись по домамъ.

VI.

Мечты и существенность.

Раздумье ночи и утренняя роса.—Пять рублей ковъ, платъ шелковый, да чоботы съ каблуками.—Пусть подождетъ! подарокъ и домъ.—Вечеръ.—Геній Петра Великаго.—Окно въ Европу.—Преобразованіе.—Сочувствіе.—Суконная фабрика.—Надежды.—Объясненіе.—Трагедія за заборомъ.—Вѣнчаніе.

И такъ Олинька стала невѣстою.—Куда дѣвалась грусть, тоска дѣвушки, гдѣ это несносное предчувствіе, которое бывало и въ ясный день отуманитъ ея румяное личико печальнымъ облачкомъ и въ полуночный часъ

напугаетъ ее сномъ страшнымъ, нерадостнымъ?.. Все удѣло! да и подъ-стать ли грусть красной дѣвушкѣ коли у ней женишокъ есть, время ли вздыхать невѣстѣ когда всѣ ей завидуютъ?.. Правда бывали минутки и у Олиньки, минутки такія, когда она раздумавшись объ отцѣ, съ которымъ должна была разстаться, иногда горевала, или даже роняла и слезинку... Да, это раздумьице было не долгое, это горе — словно мимолетная тучка въ свѣтлый день, а слезиночка — солнышко, росу высушитъ, улыбнется дѣвица и слезинки какъ не было.

Женихъ былъ веселъ и радостенъ такъ — что на-поди, говорила Савишна чрезъ нѣсколько дней послѣ рукобитія Петру Михеичу; подарилъ мнѣ пять рублевиковъ, да платъ шелковый, да чоботы съ каблуками, чтобы на свадьбѣ плясать ловчѣе, а ужъ поклонъ-то, поклонъ какой отвѣсилъ, что и сказать нельзя; теперь ждетъ не дождется, какъ бы скорѣе покончить дѣло...

— Ой-ли, ну пусть его подождетъ, отвѣчалъ Булавкинъ улыбаясь, невѣста не уйдетъ отъ него... По моему обычаю, хоть завтра же подъ вѣнецъ, да вѣдь стыдно будетъ, какъ мы сыграемъ свадьбу хуже другаго, прочаго. Нѣтъ Савишна, во всемъ своя поведенція:

пусть же его маленько подождетъ.. Что до жениха-то, онъ больно по-сердцу мнѣ, спасибо тебѣ, Савишна, большое спасибо и такой же подарокъ, какъ отъ жениха.. При сихъ словахъ Булавкинъ вынулъ изъ ларца пять серебряныхъ рублевиковъ, и подавая свахѣ, примолвилъ: вотъ деньги, а шелковый платъ, новые чоботы, да низкой поклонъ останутся за мной...

Соломонида Яковлевна также, время-отъ времени, показывала видъ, что радуется предстоящему случаю выдать Олиньку за хорошаго человѣка, ласкала жениха, плакала, говоря съ невѣстою о разлукѣ: но искренны-ли были чувства мачихи, мы увидимъ въ послѣдствіи.

Мододой Аршиновъ почти ежедневно бывалъ въ домѣ нареченнаго тестя, какъ ужъ водится; десятки красныхъ дѣвушекъ ежедневно окружали Олиньку и занимались изготовленіемъ приданаго...

День свадьбы приближался... Что же дѣлать въ это время Цапцарапкинъ? Какое дѣйствіе производили на него слухи объ Олинькиной свадьбѣ? Или онъ уже отказался отъ своего намѣренія?.. Мы совсѣмъ забыли его и вотъ теперь есть случай обратится къ нему...

День былъ на исходѣ, вѣтеръ вѣялъ отрад-

ною прохладною, вишневыя и яблоновыя деревья, облитыя роскошнымъ цвѣтомъ, разливали ароматическій запахъ въ воздухѣ, и солнце, опускаясь медленно къ западу и какъ будто нехотя прощаясь съ природою, играло радужными звѣздочками на золотыхъ крестахъ Муромскихъ церквей..

Въ домѣ булавкина по обыкновенію слышались пѣсни дѣвушекъ, занятыхъ работою... Булавкинъ еще съ обѣда отправился на свою суконную фабрику и не возвращался. — Не стяжаніе богатства, не страсть къ золоту руководили въ семъ случаѣ дѣйствіями Булавкина, не выгоды принудили его завести въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Мурома свою суконную фабрику — цѣль особенная, благородная.

Извѣстно что геній Великаго Петра, усмотрѣвъ всеобъемлющимъ, орлинымъ взоромъ недостатки своего отечества и то не мѣримое пространство, которое отдѣляло Россію отъ Европы, постигъ (силою необыкновеннаго ума своего), что для внесенія его родины въ списокъ государствъ просвѣщенныхъ — нужна сила воли и — онъ гигантскими шагами поспѣшилъ на встрѣчу къ просвѣщенію. Петръ понялъ всю необходимость всеобщаго преобразованія, Великій сочувствовалъ всѣмъ болѣзнямъ своего отечества, какъ отецъ страдалъ ея раз-

ми — и какъ отецъ же спѣшилъ увѣчевать ихъ всѣ — всѣ вдругъ! Таковъ геній! для генія нѣтъ жалкой посредственности, нѣтъ середины — все или ничего! И вотъ по мановенію единому Петра — Россія начала свое преобразованіе... Тамъ. на берегу моря, среди Сардамскихъ промышленниковъ — самъ Отецъ-Отечества учится кораблестроенію; здѣсь — по одному слову его — учреждаются Сенатъ, Коллегіи, Адмиралтейство; Русскіе воины ученики гордыхъ Шведовъ, бьютъ своихъ учителей и побѣждаютъ ихъ на берегу Балтійскаго моря, прорубается завѣтное окно въ Европу; въ одно и тоже время является на моряхъ Русскій побѣдоносный орелъ и заводятся суконныя фабрики и уничтожается гибильное *слово и дѣло!* Однимъ словомъ Россія перерождается, молодѣетъ, хорошѣетъ и Петръ, Великій Петръ Радуясь доброму началу, щедро даритъ и награждаетъ того, кто умѣетъ понимать и сочувствовать его великимъ подначертаніямъ, строго наказываетъ упорствующихъ въ великомъ дѣлѣ образованія, не хотящихъ понимать и — понимая добро — слѣдовать ему. Наконецъ, какъ чадолюбивый отецъ, Петръ прощаетъ заблудившихся, но готовыхъ обратиться къ истинѣ, и учитъ ихъ на память дубинкой и говоритъ:

Русскій человѣкъ! не занимай ума у Нѣмца, у тебя своего довольно, перенимай его рукодѣлья, его добрые обычаи, да не забывай и родныхъ, своихъ... Я указую тебѣ путь къ истинѣ, отбрасывай то, что вредно, пріобрѣтай полезное, оставь при себѣ то, что даетъ тебѣ имя Русскаго вотъ чего я требую, чего желаю...

И Петръ, встрѣчая препятствія на пути исполинскихъ предпріятій, находилъ многихъ сочуствовавшихъ ему...

Булавкинъ былъ одинъ изъ числа этихъ добрыхъ Русаковъ. Онъ устроилъ суконную фабрику, не требуя никакого вспомоществованія отъ казны, какія выгоды могло привести ему это предпріятіе;—мысль его была исполнить волю Государя—и я не въ силахъ описать той радости, того удовольствія которое ощущалъ Булавкинъ, увидавши первую половинку сукна сдѣланнаго на его фабрикѣ... Это сукно онъ могъ поднести Государю Петру Алексѣевичу, поднося, могъ сказать: батюшка, Ваше Величество, ты приказалъ, ты хотѣлъ, чтобы мы переняли у морскихъ знахарей доброе, не теряли напрасно денежки на издѣлья иноземныя а учились бы сами, да заводили свое домашнее... И вотъ, Государь

Петръ Алексѣевичъ, Русскій человѣкъ Булавкинъ бьетъ тебя челомъ половинкою сукна.

Булавкинъ самъ собирался въ Питеръ, но болѣзнь лишила его этого удовольствія, а отложеть и ожидать—ему терпѣнья недоставало. Пусть умру, умру, говорилъ онъ, да хоть передъ смертью услышу, что Государь-батюшка принялъ мой подарокъ и сказалъ Булавкину: спасибо...

Съ этими мыслями Петръ Михеичъ отправилъ въ Питеръ своего прикащика, да двухъ молодцовъ вручилъ имъ завѣтную половину сукна, надѣлилъ деньгами на дорогу и добрымъ совѣтомъ... Уже три мѣсяца прошло съ той поры какъ уѣхали его посланные, а слуху никакого небыло; вотъ и Булавкинъ выздоровѣлъ; а все нѣтъ извѣстія: или самому съѣздить, или дожидаться?... дай подожду, подумалъ Булавкинъ—и сталъ заниматься своимъ новымъ заведеніемъ.

Но заговорившись о Булавкинѣ, мы снова забыли Пантелеймона Кузьмича Цапцарапкина и потому, прося извиненія въ отступленіи, впрочемъ необходимомъ, обращаемся назадъ.

Вечеръ, какъ уже мы сказали, былъ чудесный. Булавкина не было дома, Олинька съ подругами сидѣла въ своемъ покоѣ...

Въ это время кто то тихо шелъ по тем-

ной липовой аллеѣ огорода, направляя шаги къ задней калиткѣ, и изрѣдка покашливалъ; подобнымъ же кашлемъ отвѣчали снаружи...

Сдѣлаемся невидимками и подслушаемъ и посмотримъ, что происходитъ здѣсь...

— Ты ли это, батюшка, Пантелеймонъ Кузьмичъ, раздался женскій голосъ въ кустахъ малинника.

— Во-истину такъ, это я, и вотъ уже битый часъ, какъ ожидаю васъ, моя благодѣтельница, Соломонида Яковлевна, и въ ожиданіи мечтаю о суетѣ міра сего...

— Захлопоталась, мой батюшка, дѣло домашнее, притомъ же тебѣ не безъизвѣстно, у насъ затѣялось дѣльце нешуточное...

— Охъ, все знаю, все вѣдаю, Соломонида Яковлевна, и по поводу онаго дѣла, собравши всѣ справки, я требовалъ у васъ аудіенціи.

— Что же, мой отецъ, ты хочешь поговорить со мной, ужъ не опять ли объ Олинькѣ?...

— Рѣчь объ Ольгѣ Петровнѣ будетъ въ заключеніе: первоначально нѣсколько словъ о себѣ... Голосъ Пантелеймона Кузьмича принялъ трагическій тонъ — и онъ продолжалъ: извѣстно и вѣдомо да будетъ вамъ Соломонида Яковлевна, что въ настоящій моментъ,

сирѣчь мгновеніе, я обрѣтаюсь на краю пропасти...

— И, что ты, ненаглядный мой, это просто канава, ее нарочно вырылъ около огорода Михеичъ прошлымъ лѣтомъ для дождевой воды, какая тутъ пропасть; курицѣ по колѣно...

— Вы меня не разумѣете, Соломонида Яковлевна; пропасть эта сердечная, сирѣчь умственная, сирѣчь — я, Соломонида Яковлевна, хочу поднять на себя руки...

— Ахъ ты Господи, да что это ты задумалъ..

— Да, продолжалъ подъячій, болѣе и болѣе воспламеняясь, я подыму на себя руки, я отравлю себя, отравлю рѣшительно до смерти!..

— Что ты, Пантелеймонъ Кузьмичъ, аль задумалъ мышьячку хватить малую толику!..

— Хуже, Соломонида Яковлевна, хуже, но ужаснѣе!

— Вишь ты, возразила Яковлевна, испугавшая выходкою Цапцарапкина, да что это тебѣ, мой родной, попритчилось, ужъ не укусила ли тебя собака бѣшеная, а до грѣха не долго время лѣтнее, говорятъ, ихъ видимо-невидимо бѣгаютъ по Мурому...

— Укусила, больно укусила и прямо за

сердце... Яковлевна отскочила прочь и вскрикнула: ай, родимый мой, что же ты не сказалъ раньше, а я стою съ тобой да раздобарываю.. Прости, батюшка, прости, мой отецъ, ступай — гдѣ былъ, на мнѣ не взыщи, боюсь, того и гляди пристанетъ...

Съ этимъ словомъ Яковлевна побѣжала прочь; напрасно Цапцарапкинъ кричалъ звалъ ее, увѣрялъ, что его укусила за сердце не бѣшенная собака, а грусть и кручина, старуха не слушала ничего и убѣжала домой...

Потерявши всякую надежду воротить ее, Цапцарапкинъ отправился домой и отходя проговорилъ въ полголоса: ладно, старая вѣдьма, ты не хотѣла меня выслушать, такъ мы поступимъ иначе, у насъ есть верное средство... Грѣхъ, правда, большой грѣхъ я возьму себѣ на душу; ну-да вѣдь и то сказать — кто Богу не грѣшенъ, кто бабкѣ не внукъ.

VII.

Злые замыслы и письмо изъ Питера.

Страхъ.—Бѣшенный зарѣзъ и бѣшенный подъячій.—Дѣло находится.—Злые собесѣдники.—Угрозы,—Согласіе.—Уговоръ.—Угощеніе до упаду.

Запыхавшись, съ испуганнымъ лицомъ прибѣжала Яковлевна въ свѣтлицу, гдѣ сидѣла Олинька съ дѣвушками, въ изнеможеніи бросилась на скамью и не прежде успокоилась, какъ выпивши кувшинъ молока...

— Охъ, отцы мои родные, начала Яковлевна, нѣсколько успокоившись, такого страху давно я и не видывала, вѣдь онъ бѣшенный...

— Кто это, матушка Соломонида Яковлевна? спросила Савишна, въ то время, какъ Олинька и всѣ дѣвушки боязливо поглядывали на хозяйку.

— Онъ, моя родная, онъ право бѣшеный, такъ вотъ и кидается и на прохожаго и на проѣзжаго, чуть-чуть мнѣ носъ не откусилъ...

— Да кто же это взбѣсился такъ ужъ не Зарѣзко-ли вашъ? дубьемъ его поскорѣе—

дубьемъ, право такъ, а не то—быть худу: время жаркое опосное...

— Какой Зарѣзка вскричала Яковлевна, взбѣсился самъ Пантелеймонъ Кузмичъ, его вишь укусила бѣшеная же собака прямо въ сердце!..

— А, а, а! ну такъ и есть, не даромъ опомнясь еще я замѣтила въ немъ что-то недоброе, такъ и думала, что онъ бѣленый объѣлся, анъ—вишь дѣло то и находится; вотъ какъ это было мать моя: была я у Ивана Семеныча, поговорила, потолковала, да и пробираюсь къ вамъ; вдругъ откуда не возьмись,—онъ, крапивное сѣмя, Цапцарапинъ-то и пырь мнѣ въ глаза... Я ему поклонъ, въ поясъ, вѣстимо, ходи отъ крючка дальше не зацѣпишься.. а сама иду, да думаю про себя: чтобъ тебѣ поклономъ-то моимъ подавиться, окаянному... Что жъ бы вы думали, люди добрые, словно онъ отгадалъ мое помышленіе, подбѣжалъ ко мнѣ, да какъ закричитъ на меня и давай срамить: сваха-то ты, и въ мутной то водѣ рыбу ловишь... и невѣсть, что еще насказалъ, а самъ такъ весь съ кулаками и ходитъ около меня... Такой срамникъ, насилу ноги унесла...

Но оставимъ Яковлевну разсказывать о томъ, какъ она напугалась за Савишну, какъ ее

обидѣлъ Пантелеймонъ Кузьмичъ, и обратимся къ нему самому...

Цапцарапкинъ, разставшись съ Соломонидой Яковлевной, возвратился домой уже въ самую полночь и притомъ не одинъ, вмѣстѣ съ нимъ пришелъ человѣкъ высокаго роста, завернутый въ длинный сѣрый охабень...

Они вошли бережно чрезъ заднюю калитку и осторожно пробрались въ покои..

Небольшая рабочая комната Цапцарапкина была слабо освѣщена тусклогорѣвшимъ ночникомъ. За небольшимъ дубовымъ столомъ возсѣдалъ Пантелеймонъ Кузьмичъ, противъ него помѣщался таинственный гость. Оба они погружены были въ созерцаніе остатковъ ужина и нѣсколько бутылокъ настойки, покрывшихъ столъ.

— И такъ ты говоришь, что добыча будетъ изрядная?.. сказалъ незнакомецъ хриплымъ голосомъ, обращаясь къ подъячему. Смотри: не даромъ бы поработать.

Цапцарапкинъ, на порядкахъ отуманенный виномъ, хотѣлъ что-то отвѣчать, но взглянувши на гостя, замолчалъ и невольная дрожь пробѣжала по его членамъ.

Въ самомъ дѣлѣ видъ незнакомца вселялъ невольный ужасъ. вообразите себѣ человѣка, атлетическія формы котораго свидѣтельство-

вали о его необыкновенной силѣ, а зверское лицо, налитые глаза и какая-то сатанинская улыбка, полуосвѣщенная темнымъ сіяніемъ ночника, придавали ему видъ страшнаго пришельца изъ ада...

— Чтожъ ты не отвѣчаешь, Кузьмичъ, повторилъ незнакомецъ, аль хлебнулъ лишнее?

— Охъ Сычъ, какъ то сердце замираетъ, отвѣчалъ Цапцарапкинъ; затѣяли мы съ тобою дѣло и затѣявши вѣстимо сведемъ концы.

— Такъ о чемъ завздыхалъ, ужъ не совѣсть ли въ тебѣ заговорила?.. Чудное, неслыханное чудо, у Кузьмича есть совѣсть...

Сычъ захохоталъ, подъячій вздрогнулъ и продолжалъ прежнимъ умиленнымъ голосомъ, виновенъ каюсь я, съ нѣкоторой поры, я живу въ разладѣ съ совѣстію.

— А что, чай этому времени будетъ лѣтъ шестьдесятъ съ хвостикомъ... сказать проще—ты родился на свѣтъ безъ нея...

— Не говори этого, Сычъ, Господь никого не пускаетъ на свѣтъ [illegible] безъ души, всѣ мы родимся и съ совѣстью и съ чувствами, да воля-то, воля всему вышо... Хоть старика, отца моего, звали и холопомъ да знали за честнаго человѣка и онъ меня училъ добру.. Правда иногда, разумѣется во снѣ а не на яву, грезилось мнѣ, что слеза обмочи-

ной мною вдовы, плачъ ограбленныхъ сиротъ и тому подобные казусы лежатъ на совѣсти тяжелымъ камнемъ, да «кто Богу не грѣшенъ, кто бабкѣ не внукъ» думалъ я утромъ, и свѣтлый рублевикъ, полученный отъ истца или отвѣтчика, снова мирилъ меня съ совѣстью...

— Правда, пришло мнѣ наконецъ жутко. Государь нашъ не терпитъ лихоимцевъ, а за взятку — избави Боже — не раздѣлаешься; за нами, а особливо за мною, стали посматривать, я съ горя и запилъ — и меня выгнали изъ подъячихъ... Трудно мнѣ правда, было отказаться отъ посуловъ, отвыкнуть отъ благодарственныхъ подарочковъ, да всетаки заготовивши копѣйку на черный день, нажив-ши свой домишко, я могъ жениться, да не одинъ, а два раза; пережилъ двухъ покойницъ, пожалуй не прочь и отъ третьей — и все кое-какъ ладилъ съ совѣстью..

— Знать совѣсть-то у тебя больно податливая, замѣтилъ Сычъ захохотавши снова.

— Не слишкомъ-то такъ, какъ ты думаешь, отвѣчалъ Цапцарапкинъ со вздохомъ; съ тѣхъ поръ, какъ ты познакомился со мною и я побывалъ у васъ въ гостяхъ, съ тѣхъ поръ, какъ домъ мой сдѣлался притономъ вашимъ, а я слугой и другомъ — нѣтъ мнѣ болѣе отрады ни въ винѣ, ни въ рублевикахъ..

Ночью - страшные сны, днемъ замираетъ сердце какъ будто я вашъ прямой сообщникъ...

— А какъ бы ты думалъ, Кузьмичъ? вестимо, сообщникъ!

Цапцарапкинъ затрепеталъ, побледнелъ какъ полотно. Незнакомецъ выпилъ стаканъ настойки однимъ глоткомъ и, прищелкнувъ языкомъ, запелъ:

Где Кузьмичъ
Тамъ и Сычъ,
А где Сычъ
Тамъ Кузьмичъ;
Не видать,
Не слыхать,
Такъ сказать,
Не бывать
Чтобъ съ тобою, твой Сычъ
Разлучился Кузьмичъ.

Пропевши песню, гость снова захохоталъ и, взявши Цапцарапкина, который сидѣлъ, какъ говорится, ни живъ ни мертвъ, молвилъ: ну ободрись, Кузьмичъ! выкинь изъ головы грустныя мысли и поговоримъ лучше объ дѣлѣ...

— Не могу, Сычъ, ей же ей, не могу!... отвѣчалъ Цапцарапкинъ едва внятнымъ голосомъ.

— Ой-ли! Смотри, Кузьмичъ, не на тѣхъ наѣхалъ, не попади прежде на висѣлицу!...

Слушай старый дуракъ! Купецъ Булавкинъ тебя обидѣлъ: у Булавкина есть дочь красавица — намъ по душѣ... Тебѣ нужна невѣста, а намъ нужны деньги — вотъ и по рукамъ!.. Эхъ, Кузьмичъ, Кузьмичъ, пора дѣломъ смѣнить, спустя лѣто въ лѣсъ по малину неходятъ... аль отлегло отъ сердца и забылъ, что Булавкинъ обидѣлъ тебя, своимъ отказомъ, что дѣвченка смѣется надъ тобою и достанется другому; ужъ тогда-то, братъ они посмѣются надъ тобою, да скажутъ: не тебѣ-дескать; Кузьмичъ, въ шестьдесятъ лѣтъ филину, мѣтить на бѣлую голубицу!..

— Такъ не бывать этому, а быть по нашему, вскричалъ Цапцарапкинъ. Вотъ тебѣ, Сычъ, рука моя и съ рукою слово, завтра-же мы приступимъ къ дѣлу; только не забудь условія—деньги ваши, а красавица моя!..

Ужъ съ разсвѣтомъ дня прекратилось совѣщаніе двухъ достойныхъ другъ друга, адскихъ собѣсѣдниковъ и они, отуманенные виномъ. захрапѣли на мѣстахъ своихъ...

Часу въ девятомъ утра, Булавкинъ сидѣлъ съ своимъ нареченнымъ зятемъ, въ свѣтлицѣ и вели рѣчь.. Тутъ же сидѣла Олинька, время отъ времени, украдкою взглядывая на жениха! Соломонида Яковлевна съ Савишной шептались въ другомъ углу-

Въ это время дверь отворилась и вошелъ человѣкъ высокаго роста въ смуромъ кафтанѣ, подпоясанный краснымъ кушакомъ... При взглядѣ на него Олинька невольно вскрикнула; подобное непріятное впечатлѣніе произвелъ онъ и на всѣхъ прочихъ, но Булавкинъ поправился прежде всѣхъ отъ смущенія и отвѣтивши на низкой поклонъ незнакомца ласковымъ: «добро пожаловать!» спросилъ о причинѣ прихода.

Незнакомецъ снова поклонился и смиренно отвѣчалъ: прикащикъ твой, Захарій Иванычъ Сытинъ, бьетъ тебѣ челомъ. Пехръ Михеичъ, мы съ нимъ видѣлись въ Питерѣ.. Булавкинъ вскочилъ съ мѣста, подбѣжалъ къ пришедшему и бросился обнимать его съ словами: голубчикъ ты мой, гость дорогой, просимъ милости садиться!

— Яковлевна, продолжалъ старикъ накройка столъ, приготовь намъ хорошенькую яичницу съ ветчиной, да принеси изъ подвала Питерской мальвазіи, заморскаго гостя надо и чествовать по Питерски.

Пока Яковлевна отправилась готовить завтракъ, Булавкинъ обратился къ гостю съ вопросами: такъ ты и впрямь видѣлъ въ Питерѣ моего Захарія? ну, родимый мой, какъ они доѣхали?..

— Слава Тебѣ Господи, отвѣчалъ незнакомецъ поклонившись, и просили меня поговорить чтобъ ты не замедлилъ къ нимъ припожаловать...

— Какъ такъ? да развѣ Захарій Иванычъ не имѣлъ счастія видѣть батюшку Государя?..

— Ничего не вѣдаю, мнѣ онъ о томъ не говорилъ. Мы съ нимъ сошлись случайно познакомились, и онъ услышавши что я поѣду въ обратный путь чрезъ Муромъ, просилъ меня отдать тебѣ грамотку... Читай, авось тамъ все прописано... Съ этимъ словомъ незнакомецъ подалъ письмо, запечатанное и порядкомъ засаленное...

— Ай да Захарій! возразилъ Булавкинъ, вѣрно онъ просилъ какого нибудь подъячаго, вишь какими крючками настрочилъ... и въ очкахъ-то не разобрать мнѣ, сказалъ Булавкинъ распечатавъ и развернувъ письмо. Иванъ Семенычъ! ты, братъ, и грамотнѣе меня и глазки то у тебя помоложе моихъ, прочти, любезный!..

Аршиновъ, принявши письмо, готовился читать, Олинька оставила работу, Булавкинъ облокотился рукою о столъ, воротившаяся Яковлевна не смѣла доложить о завтракѣ, Савишна перестала шептать... всѣ стали олицетвореннымъ любопытствомъ... Одинъ только

гость, казалось, былъ занятъ совсѣмъ другими мыслями, глаза его горѣли, какъ глаза волка, увидѣвшаго добычу, но никто не обращалъ на него вниманія.

VIII.

Князь Яковъ Федоровичъ Долгорукій.

Письмо.—Коммиссаріатска коммиссія.—Возвращеніе изъ плѣна.—Приглашеніе.—Питерскія диковинки.—Лѣтній садъ.—Австрія.—Капуцины.—Итальянскіе болваны.—Аверьянъ Сычъ.—Сраженіе подъ Нарвою.—Хитрость Карла XII.—Шкуна.—Вечерня.—Условленный знакъ.—Спасеніе.

Аршиновъ читалъ. «Милостивый государь и благодѣтель Петръ Михеичъ! милостивая государыня и благодѣтельница Ольга Петровна! бьемъ вамъ челомъ до сырой земли и всѣ трое усердно кланяемся и желаемъ вамъ счастія и благополучія на несчетныя годы.

— Увѣдомляемъ мы тебя, государь Петръ Михеичъ, что мы благодаря Бога прибыли въ Питеръ здравы и невредимы, а батюшки царя въ Питерѣ нѣту-ти, ждутъ его, отца нашего, со дня на день... А безъ государя Петра Алексѣевича и дѣла не будетъ; освѣдомлялись мы про коммиссаріатскую коммис-

сію — такъ называютъ новый магистратъ или приказъ, гдѣ сукна на полки заготовляются — но безъ успѣха; говорятъ что въ этомъ магистратѣ назначено быть набольшимъ Якову Ѳедору Долгорукову, что находился въ плѣну у короля Свейскаго и двѣ недѣли какъ воротился...

— Эхти! эка притча, подумаешь! вскричаль Булавкинъ. прерывая чтеніе письма, и впрямь князь Яковъ Ѳедоровичъ воротился да не Господь ли его принесъ... Родимый мой! продолжалъ онъ, обращаясь къ незнакомцу, чай твоей милости пришлось въ Питерѣ наслышаться объ этомъ; удружи, батюшка, разскажи намъ притоманно...

— И впрямь такъ, мы потолкуемъ за завтракомъ, кончай-ко. Иванъ Семенычъ!

Аршиновъ продолжалъ: «А мы, государь Петръ Михеичъ, встрѣтились въ Питерѣ съ нашимъ землякомъ, Андреемъ Иванычемъ Рѣпкинымъ и отъ него увѣдомились, что Господь послалъ тебѣ болѣзни исцѣленіе, вотъ мы, помолившись за такія милости Богу и положили послать къ тебѣ грамоту, да и просить тебя самаго въ Питеръ... А до того времени, коли и принесетъ Господь государя, предъ его очи ясныя не являться... Боимся, батюшка, Петръ Михеичъ, Питерскихъ куп-

цовъ народъ все зажиточный. Пріѣзжайко, отецъ нашъ, авось дѣло уладишь самъ похитрѣе.—Много бы написали да болтать лишнее не приходится, пріѣдешь—все узнаешь...

Незнакомецъ коварно улыбнулся, Аршиновъ дочитывалъ письмо «ну-жъ дикованокъ-то наглѣдишься въ Питерѣ, что во снѣ дома не увидишь; городокъ такой сталъ, на поди: дома ростутъ словно грибы послѣ дождя, въ Лѣтнемъ саду играетъ музыка, въ воскресный день на Царицынымъ лугу и не продерешься; выпить ли, перекусить ли захочешь,—австерія есть, тальянецъ въ саду диковинныхъ звѣрей показываетъ—всякія небылицы разсказываетъ, да не всему вѣрь; какъ пріѣдешь, тамъ еще *Кашкаду* увидишь, болвановъ тальянскихъ-словно живые, только бѣлые да глазъ нѣтъ...

За симъ всѣ тебѣ низко кланяемся и просимъ поскорѣе въ Питеръ собраться»...

— Дѣлать нечего замѣтилъ Булавкинъ, придется ѣхать, а мы ужъ, свадьбу-то маленько отсрочимъ—дѣлать нечего!...

Никто ни отвѣчалъ на замѣчаніе Петра Михеича; Олинька переглянулась съ женихомъ своимъ—и оба вздохнули... Чрезъ полчаса Булавкинъ со всѣмъ семействомъ, ка-

темъ, и дорогимъ гостемъ сидѣли за завтракомъ ..

Выпивши по чаркѣ мальвазіи, мужчины пустились въ разговоръ, и Петръ Михеичъ отеревши краснымъ платкомъ усы и бороду, молвилъ обращаясь къ Питерскому пріѣзжему: что же, милостивецъ, обѣщаньице?... Мы знавали тоже Яковъ Ѳедоровича, разскажи, голубчикъ, какъ его Господь вынесъ изъ плѣна Свейскаго?... *) Да что я и впрямь до сихъ поръ и не вопрошалъ о твоемъ имени и отечествѣ...

— Зови, какъ, хочешь, отвѣчалъ гость только корми хлѣбомъ!

— Нѣтъ! зачѣмъ же такъ, у насъ, на Руси не за моремъ, всякому имя есть, всякаго величаютъ по родителѣ...

— Пожалуй скажемъ: звали меня когда-то Аверьяномъ, по отцу никогда не величали, потому, что я отца не помню. а прозвали по просту Сычемъ за то, что нашли, еще ребенкомъ въ лѣсу и ночью...

— Страшное, замысловатое званіе, сказалъ Булавкинъ, ну такъ, Аверьянъ Сычъ, прости на негожемъ имячкѣ, не мы и въ отвѣтѣ разскажи-ко про князя Якова Ѳедо-

*) Такъ въ то время называли Шведовъ.

ровича, не въ имени толкъ, будь человѣкъ добрый — а Сычъ лучше голубя...

Незнакомецъ откашлявшись началъ: Бывши въ Питерѣ, мнѣ случилось однажды прокатиться по матушкѣ Невѣ-рѣкѣ, лодкой правилъ одинъ изъ солдатъ бывшихъ въ полону свейскомъ, вмѣстѣ съ княземъ — и онъ-то, за лишнюю гривну, разсказалъ намъ то, что я теперь буду говорить вамъ:

— Это было послѣ сраженія подъ Нарвою; старый солдатъ говорилъ, что хоть полевые полки были изъ новобранцевъ, не нанюхавшись порядкомъ пороху, да свейскому королю не выиграть бы передъ русскими ни алтынъ, если бы не подпортилъ все дело какой-то нѣмецъ фельдмаршалъ. Вотъ этого фельдмаршала, что знать заранье столкнулся съ басурманскимъ королемъ и разбили, и въ полонъ живьемъ захватили... Остался князь Яковъ Ѳедоровичъ съ своей гвардіей; при первомъ натискѣ непріятеля князь скомандовалъ въ штыки и Шведы защищались да стали пятиться... Такъ нѣтъ сударь мой, король смекнулъ дѣломъ, давай просить князя Якова Ѳедоровича на мирныя переговоры. — Долгорукій отъ миру не прочь... Условились... Князь воротился и русскіе отступили. Между тѣмъ король выигралъ время, собралъ всѣ

свои силы да и въ погоню за нашими... Хитрость удалась — Русскіе и не думали о погони; напали въ расплохъ проклятые — и много изъ нижнихъ чиновъ и самъ князь Яковъ Ѳедоровичъ въ полонъ попали...

Съ нашими въ то время былъ священникъ; вотъ Ѳедоровичъ и говоритъ ему: молись, батька, надѣйся — завтра суббота, выпросимъ у Шведовъ позволеніе пѣть вечерню, тамъ помнится есть стихъ: «дерзайте убо, дерзайте, людіе Божіи»... При первыхъ словахъ будетъ каждый на готовѣ, кто за веслами — бросай весла; при послѣднихъ — каждый хватай Шведа и управляйся съ нимъ, какъ можешь и какъ вѣдаешь!.. Наши отъ радости хотѣли гаркнуть *ура!* — князь велѣлъ замолчать...

Настала суббота... Ждутъ начала вечерней молитвы; вотъ и вечерня началась, отецъ Иванъ запѣлъ, князь Яковъ Ѳедоровичъ ему подтягиваетъ и всѣ Русскіе подтѣваютъ, а голоса у всѣхъ дрожатъ, ждутъ не дождутся условнаго стиха; раздалось наконецъ «Дерзайте убо»... и всѣ наши были на готовѣ; запѣли — «дерзайте людіе Божіи!» и кругомъ шкуны плавали Шведы и убитые валялись на палубѣ...

Остался живымъ одинъ шкиперъ, его принудили быть путеводителемъ — при пѣніи *Тебѣ*

Бога хвалимъ!—шкуна поплыла на родную сторону!.. Вотъ какъ разсказываютъ Петръ Михеичъ, о спасеніи князя Якова Ѳедоровича, за что купилъ, зато и продаю, не взыщи, мнѣ толковали замысловатѣе, а я на словахъ не больно мастеръ; затѣмъ прощай!

— Куда же, гость дорогой, погости, повеселися!... замѣтилъ Булавкинъ.

— Нѣтъ, Петръ Михеичъ, не могу, время не терпитъ.

— Чѣмъ же благодарить тебя за вѣсточку изъ Питера?...

— Кромѣ спасибо, ничего не надо! кланяйся Питерскимъ; чай не замедлишь въ путь, дѣло не терпитъ отлагательства. Царя ждутъ въ столицу съ часу на часъ...

— Куда медлить, родной мой, можетъ завтра промѣшкаю за сборами. а послѣ завтра утромъ и въ путь!

Гость обнялъ Булавкина, раскланялся съ прочими и вышелъ...

IX.

Предчувствіе.

Приготовленія.—Горесть.—Слезы.—Желанный гость.—Предчувствіе.—Опасность.—Защитникъ.—Отъѣздъ.—Погоня.

Настала и день, назначенный Булавкинымъ для отъѣзда въ Питеръ, Яковлевна и Савиш-

на, которую Булавкинъ пригласилъ погостить на время его отлучки, хлопотали на кухнѣ, да готовили на дорогу Петру Михеичу вирожки; жарили гуся; Олинька укладывала въ мѣшокъ праздничное платье отца, Иванъ Семенычъ закупоривалъ бутылку съ настойкой; самъ Булавкинъ сидѣлъ за столомъ и занимался счетами.. Наконецъ Олинька кончила свое занятіе; грустно, не радостно было на сердцѣ у дѣвушки. Вѣрно не быть добру.. И Олинька въ надеждѣ разсѣять тоску, скуку, вышла въ огородъ... Сѣла Олинька на черновую скамью, подъ вѣтками рябиновыми и задумалась; думать, да думать — и вотъ на длинныхъ рѣсницахъ блеснуло по жемчужинкѣ и что-то, покатившись по розовой щечкѣ защекотало и упало на грудь.. Милости просимъ, дорогія гостьи!.. давно васъ ждала Олинька и дождалася, и сердцу стало легче и привольнѣе, и она собралась уже, чтобы воротиться въ покои.. Встаетъ со скамьи, глядь, а Петръ Михеичъ стоитъ не дальше, какъ въ двухъ шагахъ, да смотритъ на дочку ненаглядную..

Слезы пуще покатились изъ глазъ Олиньки, и она упавши на грудь отца, зарыдала

— Что это ты, Олинька, что это моя голубка, началъ, растроговавшись, Петръ Михе-

ичъ, другой подумаетъ, что ты меня на тотъ свѣтъ собираешь, либо сочтутъ Яковлевну самой вѣдьмой... не плачь, дитя мое грѣхъ плакать и роптать на Господа... и что тебѣ попритчилось?... Извѣстно зачѣмъ я ѣду въ Питеръ, а свадьба еще не уйдетъ ворочусь—и тогда на радостяхъ..сыграемъ какую, что на поди...

— Батюшка, родной мой! отвѣчала Олинька, не переставая рыдать, Богъ свидѣтель я не ропщу на судьбу, ни на тебя, ни на кого на свѣтѣ; не мысль о свадьбѣ заставляетъ грустить меня... а такъ, безъ всякой причины, сердце ноетъ—и мнѣ хочется плакать, и мнѣ не хочется разстаться съ тобой... Знаешь-ли что, батюшка, присовокупила дѣвушка послѣ минутнаго молчанія, дорога дальняя, опасная, придется ѣхать Муромскимъ лѣсомъ, а ты—одинъ... Знаешь-ли что я дамъ тебѣ защитника, съ которымъ не разлучалась никогда...

Говоря это, Олинька сняла съ шеи небольшой серебряный образокъ съ изображеніемъ св. Николая.—Святый Угодникъ Божій, сказала она, цѣлуя съ благовѣніемъ драгоцѣнную святыню, тебѣ поручила меня покойная мать моя предъ кончиною, на одрѣ смерти, твоей защитѣ, твоему покровительству—и съ твоей минуты я никогда не разлучалась съ твоимъ

изображеніемъ. я хранила его, какъ зеницу ока... Тебѣ же поручаю я моего добраго родителя, сохрани и помилуй его, уголникъ Божій...

Тутъ она подошла къ отцу и съ какою-то торжественностію возложила на него свотое изображеніе... Старикъ, при всемъ желаніи укрѣпить себя, не выдержалъ и заключивши въ объятія добрую дочь, зарыдалъ...

Булавкинъ, простившись со всѣми, сѣлъ въ повозку и ямщикъ, ударивъ по лошадямъ, съ крикомъ: эхъ вы, соколики, трогай! пустилъ лошадей рысью. Всѣ, не исключая Ивана Семеныча и Савишны, отерли слезы и проговорили: добрый счастливый путь, дай Господи!..

Когда повозка Булавкина поравнялась съ домомъ Пантелеймона Кузьмина подъячій и Сычъ посмотрѣли на путешественника нашего изъ-за занавѣски и не говоря ни слова, значительно усмѣхнулись. Чрезъ часъ со двора Цапцарапкина выѣхала закрытая, кибитка и полетѣла по той же самой дорогѣ...

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

МУРОМСКІЙ ЛѢСЪ.

РОМАНЪ
ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ЦАРСТВОВАНІЯ
ПЕТРА ПЕРВАГО.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Изданіе тринадцатое

БЕЗЪ ПЕРЕМѢНЫ.

МОСКВА.
Изданіе Е. В. Манухиной.
1888.

I.

«Какъ подумаешь, что иногда слу-
«чается въ одинъ день то не мо-
«жешь удивляться какъ исторія
«огромнаго царства можетъ вме-
«ститься въ нѣсколько томовъ».

Н. Кукольникъ.

Подозрительная встрѣча.

Бесѣда съ сельскимъ священникомъ.—Угощеніе и гостепріимство.—Грабежи.—Звѣздное небо.—Мечты.—Закрытая повозка.—Подозрѣніе.—Добрые молодцы.

Булавкинъ какъ человѣкъ старинный, слѣдовалъ русской пословицѣ,—тише ѣдешь—дальше будешь! и хоть онъ поѣхалъ въ Питеръ не на своихъ коняхъ, но не менѣе того жалѣлъ тощихъ одровъ, которыхъ смотритъ усердно угощалъ кнутомъ...

— Не бей ихъ, Андрюха! говорилъ Булавкинъ, излишне спѣшить, — будемъ на мѣстѣ; вишь они и такъ бѣгутъ знатно, все рысцой: блаженъ, иже и скоты милуетъ, говоритъ писаніе Божіе...

И повозка подвигалась впередъ легкою рысью.

Солнце начало спускаться къ западу, когда они въѣхали въ село, находившееся неподалеку отъ Муромскаго лѣса... Лишь только поравнялись они съ домомъ сельскаго священника, какъ изъ отвореннаго окна раздался довольно пріятный голосъ: здравствуй: Петръ Михеичъ, какъ живешь можешь?... куда это изволилъ собраться, не въ Питеръ ли?... такъ говорилъ маститый священникъ, привѣтливо кланяясь Булавкину.

— Воистину, батюшка, отецъ Іоаннъ, отвѣчалъ Булавкинъ, приказавши ямщику остановить лошадей, благослови меня на предстоящій путь и пожелай счастливаго окончанія дѣлу, — къ самому Великому Государю ѣду, предстать предъ его царскія очи...

— Вотъ что! дай Господи, дай Господи!... да благословитъ тебя Творецъ небесный въ добрыхъ начинаніяхъ... Э! да это же ты остановился среди улицы, милости просимъ въ покои; выкушай, закуси, чѣмъ Богъ по-

спалъ, покорми лошадокъ и самъ отдохни, а завтра чѣмъ свѣтъ,—въ путь...

— Нѣтъ, батюшка, отецъ Іоаннъ, то было время, теперь другое,—минутой дорожу; ты же вѣдаешь, что я не охочъ ѣздить по дорогомъ, сломя голову, жалѣю скотовъ—а дѣло не терпитъ, изъ Питера получилъ грамоту, прикащикъ мой Захарій и невѣсть какъ проситъ, чтобы я поспѣшилъ; благодарю, отецъ мой, на ласковомъ словѣ, назадъ поѣду,—навѣщу; тутъ же верстъ пятнадцать не больше до станціи дотащимся. Богъ дастъ до полуночи, а тамъ, пока кормятъ лошадушекъ, и мы съ Андрюхой отдохнемъ, да и разсѣнесъ на порядкахъ... Не оставь меня, батюшка, въ молитвахъ твоихъ...

— Долгъ мой молиться за каждаго православнаго и святая церковь ежедневно молится о путешествующихъ, а о тебѣ-то я и подавно долженъ молится, ты первый вкладчикъ ты первый попечитель нашего храма... Только теперь я просилъ бы тебя остаться до утрова, вѣдь ты знаешь, нынѣ лѣто ночи малыя, заря съ зарею сходится часовъ, другой, отдохнешь!—Богъ благословитъ тебя, поѣзжай!... А теперь, смотри, солнышко сѣло; часъ, чай десятый, не ѣзди, мой родной, право, не ѣзди!...

— А что такое, развѣ, слышно опять начали пошаливать?...

— То-то есть, Петръ Михеичъ, знаешь здѣсь шалости-то изстари... Вотъ недѣли нѣтъ, какъ ограбили купца: везъ изъ Москвы товарцу на порядкахъ деньжонокъ малую толику,— все забрали, насилу самаго-то живьемъ отпустили, да и то, прости Господи согрѣшеніе, въ чемъ мать родила... или вотъ — съ мѣсяцъ назадъ,— на проѣзжаго боярина напала цѣлая шайка и изъ пищалей стрѣляли и оглобли у таратайки перорубили, да счастье его, что слугъ съ нимъ много было, отбились кое-какъ... Такъ вотъ какія дѣла то!... А тебѣ-то придется ѣхать къ станціи этимъ поганымъ мѣстомъ въ самую полночь...

— И, батюшка, взять-то у меня нечего, ѣду на легкѣ, всего въ мошнѣ рублевикомъ сорокъ на проѣздъ...

— Лихому человѣку все надобно. Право, послушайся!...

— Не безпокойся, батюшка, отецъ Іоаннъ, Господь милостивъ; знаю твое хлѣбосольство: ты и нарокомъ пугнешь чтобы только къ себѣ затащить, да угостить, на обратномъ пути заѣду, и прогощу цѣлыя сутки...

— Ну, воля твоя, а только все, что я

сказалъ сущая правда.. Богъ да благословитъ тебя, поѣзжай!...

Петръ Михеичъ распрощался съ священникомъ и повозка покатилась вдоль села, мимо красивой деревянной церкви, украшенной изображеніемъ Булавкина... Старикъ снялъ шапку и набожно крестился...

Вотъ уже миновали село,—и темный, дремучій Муромскій боръ открылся не въ дальнемъ разстояніи... Между тѣмъ солнце сѣло за лѣсомъ и новорожденная луна бѣлымъ, серебрянымъ серпомъ показалась на розовомъ небосклонѣ. Звѣздочки, одна за другою, выпрыгивали на лазурную дверь и всюду неизмѣримый шатеръ вселенной усѣялся бриллiантами самородными...

Случалось ли вамъ, читатель мой, когда нибудь углубляться въ размышленія при видѣ яснаго голубаго неба, усѣяннаго мириадами звѣздъ? углубляться въ размышленія тогда, когда вся природа будто бы дремлетъ... Извините, я выразился обыкновеннымъ терминомъ всѣхъ романистовъ, который отнюдь не выражаетъ моихъ мыслей.. Природа никогда не дремлетъ, она находится въ безпрерывномъ, вѣчномъ, гармоническомъ движеніи, и даже самое величественное безмолвіе, въ которое она бываетъ погружена ночною порою — свидѣтель-

ствуетъ ясно всѣмъ и каждому о величіи и непостижимости Зиждителя вселенной..... И такъ...

Если вамъ случалось любуясь вечернимъ небомъ, думать о чемъ нибудь высшемъ нежели ежедневные, меркатильные разсчеты жизни, то я надѣюсь что отгадаю ваши тогдашнія мысли: какъ мелокъ, какъ ничтоженъ человѣческій разсудокъ въ сравненіи съ окружающимъ его міромъ, даннымъ ему для наблюденій, для изученія... Что такое человѣкъ?.., Механикъ, тщетно старающійся проникнуть и разгадать систему устройства вселенной и при всѣхъ стараніяхъ своихъ, при всей дерзости опытовъ и наблюденій, остающійся ученикомъ, ребенкомъ, едва держащимся на ходуляхъ познаній... Актеръ, старающійся передразнить дѣйствія природы, рѣдко или почти никогда непонимающій своей роли, на театрѣ вселенной остающійся ни болѣе, ни менѣе, какъ плохимъ комедіантомъ... Я отгадалъ ваши мысли, если вы только когда нибудь погружались въ нихъ, въ противномъ случаѣ— испытайте, непремѣнно испытайте!... Никогда ни въ какое время мысли ваши не облекаются въ такую свѣтлую ткань, какъ среди ночи, когда страсти молчатъ, когда сердце бьется спокойнѣе, разсудокъ дѣйствуетъ сильнѣе и душа

дѣлается способною къ пріятію высокихъ впечатлѣній... Лунная, лѣтняя, тихая ночь — неисчерпаемый источникъ поэзіи...

Летитъ на небеса душа,
Когда природа хороша;

Поэтому можетъ быть каждый стихотворцемъ только тотъ, кто изучилъ правила піитики... говорилъ не помню кто-то, а только знаю, что кто-то говорилъ. И въ силу сего мудраго изреченія не удивлялся, видя Булавкина лежащимъ въ повозкѣ, любующимся красотами лѣтней ночи и углубленнымъ въ размышленія... Булавкинъ поэтизировалъ. Мы бы не почли за трудъ подслушать мысли Петра Михеича и передать ихъ вамъ, но въ то время, какъ мы нагибаемся, прикладываемъ ухо и готовимся слушать, — кто-то, во всю лошадиную прыть, пронесся мимо повозки Булавкина — и онъ и ямщикъ вздрогнули, нить размышленій прервалась...

— Тьфу ты, пострѣлъ, проговорилъ Андрюха ямщикъ, робко озираясь, вдругорядь пролетѣлъ словно птица, вдругорядь обгоняетъ. Что бы это значило? То отстанетъ, будто бражничаетъ, то припуститъ, что твоя калена стрѣла, будто его гонятъ сзади а повозка закрыта, никого не видать... Эхъ! Петръ Ми-

хеичъ, тутъ, что-то подозрительно, напрасно давечь не послушался отца Іоанна... Богъ вѣсть!....

И полно, Андрюха, зачѣмъ имѣть языкъ острый, замѣтилъ Булавкинъ, недовольный подозрительностію ямщика; непригоже судить съ дурной стороны о людяхъ, намъ неизвѣстныхъ. Богъ вѣдаетъ, кто они такіе, и зачѣмъ такъ ѣдутъ; можетъ, честнѣе насъ съ тобой, у всякаго свои дѣла...

Андрюха замолчалъ, но съ сей поры началъ чаще похлестывать лошадей и пристально глядѣть на обѣ стороны...

Вотъ наконецъ и Муромскій лѣсъ зачернѣлъ по правую сторону дороги, извилинами между мелкимъ кустарникомъ...

Было близко полуночи, небо начало, время отъ времени, подергиваться небольшими облачками, но молодая луна, плавая по небу, словно бѣлая утица и словно красавица увидавши парня чужаго, кроется шелковой фатой, а за мимолетными облачками, пряталась.

Не подалеку отъ большой дороги, тамъ, гдѣ лѣсъ становился гуще и гиганты сосны, шумя своими верхушками, напоминаютъ робкому путнику баснословное существованіе Соловья-разбойника, на широкой полянѣ горѣлъ большой костеръ сухаго валежника. Около этого

костра сидѣло человѣкъ десять подозрительной наружности: кто въ смуромъ кафтанѣ, кто въ изорванномъ зипунѣ, кто въ пестрѣ необыкновеннаго покроя, и у всѣхъ за поясами были затянуты длинные пистолья, у каждаго при бедрѣ по саблѣ острой, а у иныхъ и пищали за плечами имѣлись.

Ходила большая фляга по рукамъ разбойниковъ, и знать, обошла она не одинъ, не два раза кругъ товарищей, отъ того-то и рѣчь ихъ лилась словно быстрый ручей и языки ихъ расходились словно мельничные жернова во время полноводія.

Намъ, любезные читатели, бояться ихъ не чего, пусть ихъ себѣ горланятъ да поютъ.

II.

Разбойники.

Засада. — Луна-предварительница. — Старый незнакомый. — Пятьдесятъ рублевиковъ. — Опасенія исполняются.

Гулъ пѣсни громко разнесся по лѣсу; вдругъ неподалеку послышался звонъ бубенцевъ, пѣсня замолкла, разбойники начали прислушиваться

и изъ-за кустовъ показался знакомый нашъ Сычъ... Всѣ вскочили съ мѣстъ своихъ...

— Вѣчно пьянствуютъ и горланятъ! дурачье, будьте готовы! гость — какъ разъ набѣжитъ, обогналъ его верстъ за десять отсюда...

Всѣ начали приготовляться...

— Не всѣ, не всѣ, довольно четырехъ. я буду пятый; старикъ дряхлый, да мальчишка ямщикъ и всѣ тутъ, за то, говорятъ казны везетъ довольно съ собою...

По приказанію атамана, четыре разбойника отдѣлились отъ прочихъ и послѣдовали за нимъ.

— А что, какъ прикажешь, атаманъ, дѣлать съ ними?...

— Не трогать ни того, ни другаго волосомъ, я самъ знаю, что съ ними дѣлать... Говоря между собою разбойники добрались до конца перелѣска, и въ самомъ дѣлѣ увидѣли повозку, которая рысью спускалась съ горы... Сычъ началъ отдавать свои приказанія и вскорѣ все замолкло...

Читатели, вѣроятно, догадались что въ повозкѣ, которую ожидали разбойники, ѣхалъ Петръ Михеичъ Булавкинъ.—Уже путешественники находились въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ того мѣста, гдѣ засѣли разбойники, какъ

одинъ изъ сихъ послѣднихъ не осторожно пошевелился подъ кустомъ, и луна предательски сверкнула на свѣтломъ дулѣ его длинной пищали...

Андрюша тотчасъ это замѣтилъ и, остановивши лошадей, началъ будить дремавшаго Булавкина...

— Дурно, Петръ Михеичъ, больно нехорошо! говорилъ онъ, почесывая затылокъ... отецъ Іоаннъ говорилъ правду, здѣсь и впрямь недоброе мѣсто; я сейчасъ видѣлъ. во ъ въ этомъ кустѣ что то сверкнуло.

— Съ нами Богъ. наше мѣсто свято! сказалъ Булявкинъ, перекрестившись, это такъ тебѣ показалось, поѣзжай, благословясь!

Но едва Петръ Михеичъ успѣлъ проговорить эти слова, какъ повозка была уже окружена разбойниками.

—Ну! теперь позволь поблагодарить тебя за угощеніе, Питерской гость; милости просимъ къ намъ въ гости... вылѣзай-ко! благопріятель, да вынимай-много-ли у тебя тамъ казны имѣется.

Старикъ повиновался, вылѣзъ изъ повозки, взглянувши на атамана, онъ при свѣтѣ мѣсяца узналъ въ немъ того самаго Сыча, который привезъ ему письмо изъ Питера и ко-

тораго онъ отъ всей души угощалъ да чествовалъ; Булавкинъ улыбнулся...

— Ахъ ты, добрый человѣкъ, экій шутникъ! а я, примѣрно сказать, вѣдь какъ сначала-то труснулъ, да, вишь, настращалъ отецъ Іоаннъ своими розсказнями.

— Отецъ Іоаннъ говорилъ тебѣ правду, возразилъ, улыбаясь Сычъ; здѣсь, братъ, мое имѣніе...

— Да какъ же это! молвилъ Булавкинъ, снова испугавшись, стало быть грамотка-то, что ты мнѣ подалъ — не заправская? Охъ, дядя Сычъ! мнѣ все что-то сдается, что ты шутишь; кажись почему же тебѣ знать и моего прикащика и дѣла питерскія..

— Объ этомъ узнаешь послѣ, а теперь изволь-ка разсчитаться: ну, что же! раскошеливайся, а не то!...

— Отцы родные! вскричалъ Булавкинъ, заплакавши, пустите душу на покаяніе, никакой казны съ собой не везу, опричь пятидесяти рублевиковъ, что взялъ на дорогу, кафтанишко новый, десятка два пережевчиковъ жареный гусь, да бутылка наливки... Возмите все, только отпустите!...

Пока онъ говорилъ, разбойники обыскали повозку, ямщика и самого Булавкина. Все, что нашли они, оказалось согласнымъ съ по-

казаніемъ Петра Михеича: но Сычъ, повидимому, обманутый ожиданіемъ, бѣсился, ругалъ кого-то въ полголоса—и чрезъ нѣсколько минутъ Булавкина и Андрея увлекли въ чащу лѣса., одинъ изъ разбойниковъ сѣлъ въ повозку и также поворотилъ вслѣдъ за товарищами. Уже издали доносились просьбы Булавкина и рыданія Андрюхи, который слѣдуя за старикомъ. причиталъ жалобнымъ голосомъ: голубка ты моя, Танюшка! раскрасавица ты моя! не видать знать тебѣ Андрюхи забубенной головы, некому будетъ прокатить тебя по селу яснымъ соколомъ, некому потѣшить закатистой пѣсенкой!

III.

Новый злодѣйскій умыселъ.

Муромскій лѣсъ въ старину и нынѣ—Вѣдьмы.—Разбойники.—Медвѣди.—Романтизмъ—Земляники.—Узники.—Умыселъ.—Утѣшеніе Предложеніе.—Умныя рѣчи.—Ужасное намѣреніе.—Измѣнникъ

Кто видѣлъ, или видитъ Муромскій лѣсъ въ наше время и, по настоящему состоянію его, будетъ судить и полагать, что Муромскій лѣсъ былъ тотъ же самый и за сто лѣтъ

слишкомъ тотъ ошибется въ своихъ предположеніяхъ, также точно, какъ видѣвшій его за сто лѣтъ слишкомъ—и считавшій его тѣмъ самымъ лѣсомъ, въ которомъ нѣкогда жилъ Соловей-Разбойникъ... Муромскій лѣсъ, во времена Илья Муромца былъ не тотъ, что во времена Петра Великаго, а во времена Петра Великаго не тотъ, что въ наше время..

Вѣковыя деревья, непроходимыя топи и неизмѣри ое пространство придавали ему въ древности баснословную зн чительность, сдѣлали его обиталищемъ вѣдьмъ и колдуновъ.

Петру Великому дубы потребовались на кораблестроеніе и топи—нѣкогда непроходимыя—исправились: звукъ топора и пилы раздался въ обиталищѣ вѣдьмъ и чертей, страшные обитатели должны были покориться непобѣдимой препятствіями волѣ великаго человѣка и удалиться въ другія мѣста. болѣе неприступныя...

Впрочемъ шайки вольницы еще находили себѣ прибѣжище въ глубинѣ Муромскаго лѣса...

Въ наше время благодаря бдительности господъ капитанъ-исправниковъ, Муромскій лѣсъ потерялъ утратилъ все свое романическое достоинство, а при содѣйствіи охотничьихъ рогатинъ и ружьевъ – кажется, вскорѣ

въ этомъ страшномъ убѣжищѣ не найдешь не только ни одного медвѣдя, но даже и робкаго зайца.,..

Но обратимся къ нашему разсказу и перенесемся въ Муромскій лѣсъ, заглянемъ во внутренность его на другой день послѣ нападенія на Булавкина.

Въ полуверстѣ отъ дороги, за тою поляною, на которой мы видѣли пирующихъ разбойниковъ, въ чащѣ вѣковыхъ деревьевъ была обширная землянка, обросшая дерномъ подобно могильному кургану и закрытая совершенно кустами колючаго терновника... Взошедши сквозь небольшое отверстіе, приврытое такими же кустами, вы очутились бы въ довольно пространномъ покоѣ, мрачныя стѣны котораго были покрыты мохомъ; посреди пещеры догорали синимъ пламенемъ дубовые, сухіе сучья, наполняя внутренность дымомъ и сирадомъ; вся принадлежность этого убѣжища состояла въ нѣсколькихъ пукахъ полусгнившей соломы, на которыхъ лежали Булавкинъ и Андрюха, крѣпко связанные веревками. — У входа на большомъ камнѣ, замѣнявшемъ мѣсто скамьи, сидѣлъ одинъ разбойникъ, опершись на саблю, и дремалъ вслѣдствіе излишне употребленнаго пріема крѣпительныхъ напитковъ... онъ

занималъ должность часоваго при несчастныхъ узникахъ...

Свѣтило... заря еще только занималась на востокѣ... но узники наши уже не спали. Булавкинъ шопотомъ читалъ псалмы, Андрюха хныкалъ, и наконецъ вывелъ старика изъ терпѣнія..

— Что это ты, Андрей, побойся Бога, сказалъ Булавкинъ; рюмишь словно баба, не въ осужденіе будучи: развѣ хныканьемъ должно жить всякому православному? да и смерть-то встрѣтить съ молитвой не страшно, если ужъ Господь судилъ такъ. Помнишь ли ты, что отецъ Іоаннъ читалъ въ церкви: «Господи положи предѣлъ, его же прейдеши»!.. Да не забудь того, что и власъ съ головы человѣка не погибаетъ безъ воли Божіей. Будемъ же надѣяться! отчаяніе — страшный грѣхъ, буди Его святая воля!..

— Такъ-то такъ, Петръ Михеичъ, я знаю, ты человѣкъ разумный, знаешь писаніе Божіе и псалтырь наизусть... отвѣчалъ Андрюха плачевнымъ голосомъ, да ты-то изволь смекнуть, если примѣрно такъ сказать, намъ и зададутъ здѣсь обоимъ карачунъ; такъ по крайности ты оставишь своимъ кровнымъ кусочекъ хлѣба есть не провѣсть, жить не прожить! слава Тебѣ Господи! А я-то, я одинъ у моей старухи

и кормилецъ и поилецъ, что она теперь безъ меня станетъ дѣлать, хоть по міру ступай, такъ въ ту же пору. О Танюшѣ ужь и не говорю, чай всѣ глаза выплачетъ, больнымъ больнехонька сдѣлается, а то, пожалуй, еще того хуже, съ горя, съ печали и за другаго замужъ выйдетъ.

Андрюха снова захныкалъ и разбудилъ спавшаго разбойника.

— Эй ты, баба Рязанская! вскричалъ онъ, ударивши саблею о земляный полъ, что распустилъ нюни-то? Вѣдь тебя еще не бьютъ батогами, дойдетъ лѣло до нихъ, тогда успѣешь нахныкаться...

— И то сказать; сама себя раба бьетъ, коли не чисто жнетъ! Малый ты ражій, молодецъ, кто не велитъ послушаться атамана, вѣдь онъ тебя уговаривалъ, чтобы ты поступилъ въ нашу вольницу. А ужь житье-то, житье какое бы водились, и старухѣ бы матери удѣлилъ малую толику...

Андрюха, услышавши эти слова, пересталъ плакать; на простомъ, но довольно пригожемъ лицѣ его блеснула презрительная улыбка.

— Чтобъ тебѣ подавиться твоими словами, проклятый, вскричалъ онъ, плюнувши, да не роди меня лучше родительница на свѣтъ божій, да не прими меня мать сыра земля — лучше я

когда нибудь подумаю о таковомъ Богоотступничествѣ. Прямо разбойникъ, и рѣчи то него-жія, промѣняй, вишь, честное рукомесло, на ножъ... Ахъ ты, сатана, прости Господи! аль мать родительница на то выростила меня, аль батюшка Іоаннъ не училъ насъ писанью Божьему?.. Пусть отсѣкутъ мнѣ правую руку, если я когда помыслю пробраться кровію ближняго съ такими злодѣями...

Булавкинъ просіялся: ай-да Андрюха молвилъ онъ, вотъ на этомъ словѣ, на такой рѣчи спасибо тебѣ, утѣшилъ мою душу... Всегда такъ! лучше смерть — чѣмъ безчестіе... Они — разбойники, пусть надъ ними и дѣется...

— Лайся, лайся старый песъ цѣпной! проворчалъ разбойникъ, счастье ваше, что отъ атамана заказано васъ не трогать, а то проучилъ бы я васъ обоихъ по свойски.

Не знаю, чѣмъ бы кончилась эта сцена, еслибы въ землянку не вошелъ въ то же время Сычъ...

— Ну что, Петръ Михеичъ, сказалъ онъ обращаясь къ Булавкину, надумался-ли, любезный, скажи ко правду истину, вѣдь ты вѣдь-но вчерась догадался, что тебя дожидается въ перелѣсьѣ встрѣча, и умѣлъ скрыть свою вину, гдѣ нибудь на дорогѣ; полно дурачиться на старости лѣтъ! вѣрь слову, что не выйдешь

отсюда до тѣхъ поръ, пока не расплатишься за ласковый пріемъ... Старикъ, старикъ! пора думать о смерти! лучше подѣлиться богатствомъ и идти домой, чѣмъ повѣрить сокровище землѣ и отправиться на тотъ свѣтъ... Ась, какъ думаешь, Михеичъ?..

Лице Булавкина искривилось какою-то неопредѣленной улыбкой.

— Смѣйся, смѣйся! сказалъ онъ; только разбойнику простительно смѣяться надъ сѣдинами; смѣйся, гость дорогой, гость питерской, не даромъ говоритъ пословица: что не корми, не пои—ворога все увидишь... Казны у меня болѣе нѣтъ, я сказалъ однажды, а купецъ Булавкинъ, не какой нибудь Сычъ полуночный— отродясь не лгалъ..

— О, о! старикъ, возразилъ Сычъ, да ты я вижу, съ норовомъ, горячъ не по лѣтамъ, да ничего, пройдетъ, здѣсь вѣдь не больно жарко... Сиди же, Михеичъ, а я братъ, поѣду къ тебѣ въ гости—здѣсь нѣтъ казны, такъ дома-то у тебя чай и не сочтешь,—такъ подѣлимся.

Булавкинъ въ изнеможеніи опустилъ голову, онъ никакъ не могъ вздумать, что домашнимъ его угрожаетъ несчастіе, сердце его сжалось въ эту минуту, онъ уже страдалъ невыразимо, и даже не въ силахъ былъ молиться...

Сынъ скрылся. Вскорѣ послѣ его уходу явился другой разбойникъ, смѣнилъ своего товарища и тихо передалъ ему приказаніе атамана.— Сей послѣдній развязалъ Андрюху и повелъ его за собою.

Прошло болѣе часу, но Булавкинъ все еще былъ одинъ; насталъ и полдень, Петру Михеичу принесли обѣдъ, онъ взглянулъ и содрогнулся. Боже великій! прошепталъ онъ, даръ Твой! но онъ обагренъ кровію невинныхъ и я лучше умру съ голоду чѣмъ прикоснусь къ нему!

Вотъ ужъ и вечеръ, а Андрюхи не было; Булавкинъ рѣшился спросить карауливщаго разбойника, стараясь по возможности, придать ласковое выраженіе своимъ словамъ...

— Позволь, господинъ разбойникъ, имени и прозвища твоего не вѣдаю...

— Меня зовутъ по просту— Зарѣзъ, отвѣчалъ послѣдній хладнокровно, что тебѣ надо?

— Зарѣзъ— непригожее имячко, у меня такъ называютъ цѣпную собаку; ну да такъ и быть, не мы тебѣ его дали, на насъ и взыску нѣтъ! позволь поспрошать, куда это увели моего Андрюху?..

— Вѣстимо куда, отвѣчалъ, улыбаясь, Зарѣзъ. Андрюха твой посмышленѣе тебя, стараго дурака, важничалъ, важничалъ, да нако-

нецъ рѣшился поступить въ нашу вольницу; ему чай извѣстны въ твоемъ домѣ всѣ входы и выходы, такъ вотъ атаманъ и взялъ его съ собою въ Муромъ...

Булавкинъ перекрестился и безмолвно погрузился въ раздумье...

Въ тотъ день вечеромъ двѣ тройки выѣхали изъ лѣсу, поворотили по дорогѣ къ Мурому и пустились одна за другою...

IV.

Новый сообщникъ.

Старое по старому.—Бесѣда за бутылкой.—Нежданные гости.—Упреки и угрозы.—Доля.—Страхъ.—Изворотливость подъячаго.—Бѣда отъ пожара.—Карачунъ.—Дьволъ на выдумки.

Оставимъ на время Булавкина, за которымъ мы слѣдовали съ первой главы первой части, и возвратимся въ Муромъ...

Въ домѣ Петра Михеича не послѣдовало никакой перемѣны. Молодой Аршиновъ, по обыкновенію своему, навѣщалъ ежедневно свою невѣсту. Соломонида Яковлевна, помня наказъ

мужа, принимала его радушно. Олинька какъ всегда, встрѣчала жениха на крыльцѣ; Савишна помогала Яковлевнѣ въ хозяйствѣ; а въ свободное время разсказывала были съ небылицами; у ней на все была исторійка, или всѣ вмѣстѣ собравшись, вспоминали о Петрѣ Михеичѣ...

Цапцарапкинъ въ день отъѣзда Булавкина, вздумалъ было посѣтить Соломониду Яковлевну, но она, узнавши о намѣреніи Пантелеймона Кузьмича, велѣла запереть калитку и спустить съ цѣпи Зарѣза. Пусть погрызутзутся,» сказала старуха. И Цапцарапкинъ отложилъ свое намѣреніе...

Такимъ образомъ во градѣ Муромѣ пока все обстояло благополучно...

Полночь. Ненастныя облака плаваютъ въ атмосферѣ, темнота свинцовыми объятіями покрываетъ Муромъ, нигдѣ не видно ни одного огонька, только въ окнѣ рабочей комнаты Цапцарапкина свѣтится тускло едва замѣтная звѣздочка.

Пантелеймонъ Кузмичъ, въ желтомъ нанковомъ халатѣ, подпоясанномъ набивнымъ платкомъ, сидѣлъ за бутылкою анисовки, и какія-то думы роились въ головѣ его, которая, отя-

жолвъ, вѣроятно въ слѣдствіе сильнаго умственнаго напряженія, величественно опускалась на грудь, носъ его, изображавшій видъ перезрѣлой груши, напоминалъ красно-багровый макъ въ огородѣ Булавкина, отягченныя вѣжды оловянныхъ глазъ—смежались... Наставникъ-монъ Кузьмичъ готовъ былъ погрузиться въ сладкую дремоту... какъ вдругъ у задней калитки раздались три довольно сильные, но мѣрные удара. Цапцарапкинъ зажегъ фонарь, накрылъ готову колпакомъ и вышелъ..,

Чрезъ минуту онъ снова возвратился, но уже не одинъ... за нимъ слѣдовалъ Сычъ, еще четыре разбойника и Андрюха...

— Ну что, благодѣтель, какъ дѣлишки? спросилъ Цапцарапкинъ Сыча, и что-то похожее на робость и вмѣстѣ надежду выразились на лицѣ подъячаго.

Сычъ съ негодованіемъ бросилъ шляпу на полъ.—Чтобы чортъ тебя побралъ, мерзавца, вскричалъ онъ, звѣрски взглянувши на Кузмича, тебѣ вѣрно на роду написано — жить чужимъ умомъ и загребать жаръ чужими руками... Наговорилъ невѣсть что, хлопотъ полонъ ротъ—а прибыли мало...

— Какъ такъ? спросилъ Цапцарапкинъ...

— Да также, отвѣчалъ Сычъ прежнимъ тономъ; у стараго чорта кромѣ пятидесяти рублевиковъ. да еще кой-какого трепья ничего не нашли .. Вотъ твоя часть, да смотри— съ условіемъ, чтобы поправить дѣло, а не то ты меня знаешь?...

Говоря это, Сычъ бросилъ на столъ пять полновѣсныхъ рублевиковъ.. Не вѣришь — спроси кого хочешь, мы, братъ, почестнѣе тебя, не зажилимъ долевой копѣйки, какъ примѣрно ты, о прошломъ году..,

— Эхъ, Сычъ, Сычъ! ну что гнѣвить Бога неправдой! знаешь какъ я служу тебѣ вѣрно... отвѣчалъ Цапцарапкинъ, хватая со стола деньги. Говори же говори мой благодѣтель, что намъ предстоитъ учинить, куда вы дѣли самаго-то старика?... Аль примѣрно сказать.., хе, хе, хе!...

— Дѣть! онъ пока еще живъ и у меня гоститъ, а вонъ ямщика-то его мы взяли съ собою, отвѣчалъ Сычъ, указывая на Андрюху' онъ намъ будетъ путеводителемъ, да и ты тоже, какъ сосѣдъ, поможешь намъ очистить кладовыя Михеича.

Изъ рукъ Цапцарапкина рублевики посыпавись на полъ, онъ затрясся всѣмъ тѣломъ

и даже багровый носъ его поблѣднѣлъ, при взглядѣ на Андрюху...

— Какъ! что такое?... заговорилъ онъ, что ты изволишь говорить, господинъ честной, я въ первый разъ только вижу твою милость, какъ бишь тебя называютъ, Филиппомъ что ли, аль Сычемъ... Ограбить честнаго гражданина! да слыханное ли дѣло?... Да я и во снѣ то такихъ страстей не слыхивалъ право такъ! Не вѣрь имъ добрый человѣкъ, все ложь, ложь сущая, я первые только и вижу ихъ, правое слово, добрый человѣкъ!

Разбойники захохотали. —Нашелъ же добраго человѣка, вскричалъ Сычъ продолжая хохотать; уже онъ, братъ, теперь нашъ братъ-рыбакъ! коли поступилъ въ нашу вольницу,— такъ его опасаться нечего... Плутъ ты Кузьмичъ, разбойникъ настоящій! а все сейчасъ видно, что оборотецъ готовъ и отвѣтецъ сыщется: знать не знаемъ, вѣдать не вѣдаемъ мошенническій обычай!...

— Нельзя же благопріятель, лишняя осторожность не вредитъ, говорилъ Цапцарапкинъ проворно, подбирая съ полу рублевики: ну такъ доподлинно этотъ молодецъ поступилъ въ вашу вольницу? присовокупилъ онъ, недовѣрчиво глядя на Андрюху.

— Эй! сказалъ Сычъ, обращаясь къ Андрюхѣ, увѣрь Кузьмича, что ты нашъ братъ!...

Андрей гордо взглянулъ на Цапцарапкина и отвѣчалъ: что грѣха таить, соблазнилъ меня атаманъ своимъ привольнымъ житьемъ и старуху мать обѣщалъ надѣлить, и Танюшу за меня выдать, вотъ я и согласился, куда уже нешло.. Незнаю, какъ-то все исполнится? присовокупилъ онъ, значительно взглянувши на Сыча.

Цапцарапкинъ улыбнулся: доброе дѣло, доброе дѣло! а ужъ что Сычъ обѣщаетъ, то исполнить, я тебѣ за него порука...

— Хороша порука, вскричалъ захохотавши атаманъ, мошенникъ ручается за разбойника; да толковать нечего, давай, Кузьмичъ, выпивки да закуски, ты, какъ мы видимъ, уже порядкомъ насуелился, а вѣдь сытый голоднаго не разумѣетъ...

Вскорѣ весь столъ покрылся батареею бутылокъ, тарелками съ закуской, каравай пшеничнаго хлѣба обратился въ ломти, кубки наполнилась и осушились.

— Ну, вотъ теперь и говорить-то веселѣе, сказалъ Сычъ утоливши первый голодъ и утираясь рукавомъ, примемся за дѣло... Какъ думаешь, Кузьмичъ, и ты Андрей, когда лучше приступить къ дѣлу, завтра, аль обождать день другой.

— Я думаю такъ, отвѣчалъ Андрюха, что спѣшить не къ чему; день другой куда ужъ не шелъ, покране-сь хорошенько выглядимъ, разузнаемъ, улучимъ время...

— И я того же мнѣнія, отвѣчалъ Цапцарапкинъ, если только въ совѣтѣ Андрея нѣтъ штучки; ждать не устать, спѣшить, да не было бы измѣны...

— Ну, это ужъ наше дѣло, замѣтилъ Сычъ хоть мы и приняли его въ свою вольницу, да ужъ не взыщи пожалуй, пока не успѣемъ подѣлиться съ Булавкинымъ, съ глазъ не спустимъ... И такъ вы говорите подождать день другой, разгладѣть да разузнать и я согласенъ... Ну, теперь послушайте же меня; на третій день, въ самую полночь, мы зажжемъ домъ Булавкина.

— Что ты, что ты Сычъ, помилосердуй,

вскричалъ Цапцарапкинъ! да ну, какъ вѣтеръ-то подуетъ на мою сторону, пожаръ усилится и мой домишко сгоритъ.. ты ему служи, помогай — а онъ тебя же хочетъ пустить по міру... Да и къ чему это? Воля твоя, а я не согласенъ...

— Молчи Кузьмичъ, сказалъ атаманъ сердито, тебя не спрашиваютъ, твое дѣло только провести и показать намъ, гдѣ хранятся у Булавкина деньги, гдѣ серебро: изъ этого богатства можно выстроить тебѣ пять лучшихъ домовъ, да притомъ и Олинька будетъ твоя.

— По рукамъ. по рукамъ! вскричалъ Цапцарапкинъ и бросился обнимать Сыча. Только еще просьбица, присовокупилъ онъ, нельзя ли ужъ и жениха-то Олинькина прибрать къ рукамъ, оно знаешь и для меня безопаснѣе, да въ суматохѣ-то и у него въ домѣ поживиться можно...

— Ай-да Кузьмичъ, вскричалъ въ свою очередь атаманъ, ты — самъ дьяволъ на выдумки, такъ и быть, для друга на все согласенъ, приберемъ къ рукамъ и жениха, а въ сундукахъ-то его пороемся... Дергачъ! завтра чѣмъ свѣтъ возьми лошадь и скачи верхомъ

къ нашимъ, привези съ собою еще двоихъ, на всякій случай надо приготовить лишняго человѣка: было бы гому пожаловать въ гости и къ жениху...

Долго еще продолжалось совѣщаніе и попойка... Утромъ, чѣмъ свѣтъ, Дергачъ умчался верхомъ на лихой лошади; всѣ храпѣли кромѣ Андрюхи, который, лежа вмѣстѣ съ прочими на полу, повертывался съ боку на бокъ, да Цапцарапкина, который бредилъ, кричалъ во снѣ и просыпаясь вскакивалъ съ своего мѣста... Онъ въ тоже время боязливо поглядывалъ на Андрюху, и увѣрившись, что тотъ лежитъ на своемъ мѣстѣ, снова погружался въ сонъ... Но, не смотря на всеобщее храпѣніе, мы замѣтимъ, что, при малѣйшемъ шумѣ, кафтанъ, который былъ покрытъ одинъ изъ разбойниковъ приподымался и онъ, зажмуривъ въ половину глаза оборачивался въ ту сторону, гдѣ лежалъ разбойническій новобранецъ...

V.

Нежданный гость.

Завтракъ.—Яичница.—Удивительное происшествіе съ яичницей.—Уговоры.—Сердце прошло.—Гость.

На утро того же дня, кога Дергачъ ускакалъ въ Муромскій лѣсъ, въ домѣ Булавкина происходила сцена, не менѣе любопытная.

Иванъ Семенычъ, по обыкновенію своему, явился къ невѣстѣ и когда они усѣлись за завтракъ, Соломонида Яковлевна явилась со сковородою, на которой кипѣла яичница... За Соломонидою Яковлевною явилась Савишна... И та и другая были не въ духѣ, но послѣдняя старалась утѣшить гнѣвъ своей благодѣтельницы...

— Ну, какъ быть, мать моя Соломонида Яковлевна, на всякое время не насердишься, на всякое чиханье не наздраствуешься, говорила она; прости ей, моя сударыня, впредь не будетъ, ужъ куда не шелъ десятокъ яицъ...

— Нѣтъ, таки нѣтъ, трещала Соломонида Яковлевна, ужъ не первый снѣгъ на голову, не первый ей портить мое добро: въ Троицынъ день стравила драчону, положила тухлое яйцо.—драчону Зарѣзу отдала; въ имянины Михеича утку и гуся кошкамъ скормила; третьяго года похлебку пересолила, въ ротъ никто не взялъ, мнѣ же Михеичъ сказалъ за то пословицу; что не досолъ на столѣ, а пересолъ на спинѣ... Три вины прощаются а ужъ не четвертая не взыщи, мать моя, не спущу, пусть идетъ куда хочетъ, Михеича не дождусь, завтра же расчетъ...

— На кого это матушка сердится изволитъ? спросила Олинька у Савишны...

— Да настряпчиху Палашку, отвѣчала сваха, сожгла яичницу; ужъ и то молвить, прямыя рохли, ну, да день нынче воскресный, матушка Соломонида Яковлевна, прости ее въ послѣдній разъ... Коли любить правду, такъ правду и говорить; стряпухи ужъ всѣ такой

народъ: кущанье испортитъ, и соръ изъ дому вынести, сплѣтни затѣять, смутить сосѣдей, украсть алтынъ отъ покупки—это ихъ дѣло... Эту прогонишь, другую наймешь; а одна другой не лучше, еще и хуже попадетъ .. О, охъ, хо, хо! нынче свѣтъ ужъ таковъ!..

Въ продолженіе длиннаго монолога Савишны всѣ усѣлись за завтракъ и Яковлевна выпила мальвазіи. Крѣпительный ли напитокъ былъ тому причиною, что она перестала болѣе сердиться, или что другое, по крайней мѣрѣ Савишна, усѣвшись рядомъ и также дернувши сулеечку, вознамѣрилась совершенно отвратить собравшуюся было грозу. Она, изволите видѣть, имѣла на то тайное порученіе отъ Петра Михеича ..

— Такъ, таки-такъ! моя благодѣтельница, продолжала она вздохнувши, что дальше, то хуже, свѣтъ совсѣмъ свихнулся, правды ни въ комъ не стало, усердія не бывало, всѣ измѣнилися. всѣ на одну колодку... Ужъ что и взять отъ нихъ? я сама имѣла рабовъ: холопы, холопами и пахнутъ... Не гони, родная моя, Палашку, ей-же ей хуже найдешь...

— Охъ ты, разговорщица, разскажетъ словно размажетъ, молвила Яковлевна, улыба-

ясь, заслушалась я твоего разглагольствія и сердце прошло быть по твоему? пусть Палашка останется, да только въ послѣдній разъ прощаю, и то для тебя... Ну, гости дорогіе, не взыщите, чѣмъ Богъ послалъ!..

Всѣ встали изъ-за стола и помолились Богу.—Въ то время дверь отворилась и вошелъ мужчина съ черною бородою... Онъ началъ класть въ передній уголъ псклоны, Олинька и Соломонида Яковлевна ахнули отъ радости и удивленія...

VI.

Подозрѣніе.

Иванъ Брюквинъ.—Вѣсти изъ Питера.—Пріѣздъ Государя.—Свиданіе его съ княземъ Долгоруковымъ.—Половина суина.—Аудіенція у Государя.—Подозрѣніе.—Кто таковъ Сычъ?..

Вшедшій былъ артельщикъ купца Булавкина, Ивачъ Брюквинъ, одинъ изъ двухъ посланныхъ вмѣстѣ съ прикащикомъ Захаріемъ Сытинымъ въ Питеръ...

Помолившись Брюквинъ раскланялся на всѣ стороны и, послѣ обычныхъ привѣтствій обра-

тился къ Соломонидѣ Яковлевнѣ съ вопросомъ: а гдѣ же Петръ Михеичъ или отдыхать изволитъ?...

— Что ты, Иванычъ, возразила Соломонида Яковлевна, да кто отдыхаетъ въ эту пору, мы только что позавтракали .. Иль ты не встрѣтился съ нимъ на дорогѣ...

Брюквинъ сдѣлалъ отрицательный знакъ: куда же пошелъ Петръ Михеичъ?

— Да что съ тобой, начала снова Яковлевна, аль ты Питерѣ-то совсѣмъ одурѣлъ, развѣ туда ходятъ пѣшкомъ....

— Такъ хозяинъ отправился въ Питеръ?

— Вѣстимо—туда!

Брюквинъ задумался. — Чудное дѣло! молвилъ онъ наконецъ, какъ же мы съ нимъ разъѣхались,—кажись, я нигдѣ не замедлилъ и обѣдалъ на скору руку и ужиналъ, а сонъ и на умъ не шелъ, все хотѣлось поскорѣе доѣхать, да извѣстить что самъ батюшка Великій Государь требуетъ Петра Михеича предъ свои очи ясные...

— Какъ такъ, спросили всѣ въ одинъ голосъ.

— А вотъ изволите послушать, я все вамъ все складно разскажу...

— Садись, голубчикъ Иванычъ, замѣтила Олицына, ты я чай усталъ...

— Ничего, Ольга Петровна, спасибо на ласкѣ, мы и постоимъ передъ вашей милостью...

— Садись, садись, Иванычъ, и мы всѣ сядемъ! подхватила Соломонида Яковлевна.

Всѣ усѣлись. Брюквинъ помѣстился на самомъ краюшкѣ скамейки и началъ: вотъ пріѣхали мы съ Захаріемъ Иванычемъ въ Питеръ, остановились на Васильевскомъ-Острову и, на другой день, пошли освѣдомиться, гдѣ бы увидать батюшку Государя и какъ, и какимъ образомъ явиться передъ его свѣтлые очи?... Нашлись люди добрые, разспросили насъ за какимъ дѣломъ пріѣхали мы и потомъ сказали: самого Государя въ Питерѣ нѣтъ, ожидаютъ со дня на день; правда, съ сукномъ вамъ можно явиться въ комиссію, гдѣ заготовляютъ на войско сукно, но лучше обождите маленько—пріѣдетъ Государь Петръ Алексѣевичъ; слухи носятся, что начальникомъ-то комиссіи будетъ Яковъ Ѳедоровичъ Долгорукій, ужъ это не то, что прочіе: душой не покривитъ, и къ Государю васъ представитъ и обласкаетъ, и хозяину вашему бу-

детъ хорошо... Мы послушались... Стали ожидать Государя Петра Алексѣевича...

Насталъ день пріѣзда царскаго, утромъ, въ Питерѣ, раздался колокольный звонъ, народъ всполошился. Государь ѣдетъ! Государь ѣдетъ! раздалось во всѣхъ концахъ города, и всѣ поспѣшили на встрѣчу къ Отцу своему, мы также не утерпѣли и побѣжали вмѣстѣ съ прочими...

Петръ Алексѣевичъ проѣхалъ прямо къ князю Якову Ѳедоровичу Долгорукому, который не задолго предъ тѣмъ возвратился изъ плѣна Свейскаго... Ужъ куды, говорятъ, было любо посмотрѣть на встрѣчу царскую съ храбрымъ воеводою; Государь бросился къ нему на шею, обнималъ, величалъ всякими ласковыми и привѣтными словами и оба навзрыдъ плакали... Правда—и было о чомъ, потерпѣлъ князь Яковъ Ѳедоровичъ въ плѣну Свейскомъ да и отплатилъ же шведамъ поганымъ... вы чай этого не слыхали?...

— Слышали, слышали! говори дальше! проговорили всѣ въ одинъ голосъ.

— Вишь ты ужь и въ Муромѣ слава прошла! произнесъ съ удивленіемъ Брюквинъ и потомъ продолжалъ: чрезъ полчаса Государь вмѣстѣ съ Долгорукимъ проѣхали прямо въ соборъ и въ царской одноколкѣ... Тутъ-то

мы и насмотрѣлись на него, сокола яснаго: то-то орелъ высокаго полета, то-то прямой Царь Русскій: взглянетъ-ли — словно солнышко просіяетъ, а ужъ собой-то, — такого и въ свѣтѣ не найдешь...

Молва народная сбылась: на другой день провѣдали мы, что князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгорукій сдѣлалъ наибольшимъ надъ той комиссіей, гдѣ заготовляютъ для войска сукна, и Захарій Иванычъ отправился къ нему, а намъ приказалъ нести за собою половинку сукна.

— Вотъ приходимъ мы въ домъ князя; въ передней-то комнатѣ народу было многонько: разные чиновные люди и Питерскіе купцы съ образчиками сукна.

Минутъ чрезъ пять вышелъ и князь.

— Ну что скажите, господа купцы, принесли образчики?.., спросилъ Яковъ Ѳедоровичъ. Купцы подали образчики.

— А какъ цѣна?...

— Синяго аршинъ рубль семнадцать копѣекъ, а зеленаго три рубля съ гривною, ваше сіятельство.

— Что же такъ дорого зеленое?...

— Цѣна возвысилась, ваше сіятельство, подвозу нѣтъ!...

— Скажите лучше, что вы пронюхали о недостаткѣ зеленаго сукна въ коммиссіи и хотите ограбить казну да набить свои карманы,—похвальное дѣло!.. Ну—да не на того напали, мы и безъ зеленаго сукна обойдемся: пожалуй... подпишите цѣны!... Купцы подписали; князь продолжалъ: продавайте ваше зеленое сукно кому знаете, мнѣ оно не нужно, а синее сколько у васъ ни есть, все везите ко мнѣ на дворъ, я самъ принимать буду; дѣлать нечего, одѣну въ него и полевые полки—пусть годикъ-другой пощеголяютъ...

— Батюшка-князь, помилуй, завопили купцы, куда же намъ дѣвать зеленое? запаслись...

— Не могу впередъ урокъ: не фальшивьте передъ Государемъ, не обирайте казну. .*)

— Уступочку сдѣлаемъ, батюшка князь, только выручи! Яковъ Ѳедоровичъ и слушать не хотѣлъ... Бились, бились и отдали все сукно кругомъ—и синее о зеленое по рублю семнадцати копѣекъ...

Окончивши торги, князь обратился къ намъ: что вамъ надобно, люди добрые?....

---

*) Извѣстно, что поставщики сукна, припрятали зеленое сукно, которое нужно было для полевыхъ полковъ, и хотѣли продать свое дорогою цѣною.

Захарій Иванычъ выступилъ впередъ, поклонился и куда началъ говорить, какъ Петръ Михеичъ завелъ суконную фабрику, для чего завелъ, и пошелъ и пошелъ, словно грамотку читаетъ....

Князь все выслушалъ милостиво, привѣтливо, потомъ оборотившись къ купцамъ, которые стояли у дверей и, время отъ времени, кланились князю въ ожиданіи набавки, сказалъ: вотъ какъ дѣлаютъ настоящіе подданные Русскаго Царя, учитесь доброму дѣлу у добрыхъ людей..

— Покажите-ка мнѣ издѣлье ваше, присовокупилъ Князь, обращаясь къ нимъ. Захарій Иванычъ развернулъ половинку и положилъ настолъ.

— Знатное сукно продолжалъ Яковъ Ѳедоровичъ, пробуя доброту, важное, ничего сказать, до иностраннаго не хватитъ, а носить не стыдно не то что князю Долгорукому, а самому свѣтлѣйшему князю Меньшикову.. Князь, помянувши про Меньшикова, улыбнулся и продолжалъ снова: а какъ цѣна сукну? вы слышали—я скупъ на покупку, пожалуй, безъ барыша не согласенъ будетъ Булавкинъ поставлять на войско свое издѣліе...

Захарій Иванычъ поклонился и сказалъ: только не оставь, батюшка князь, своими ми-

лостями, да доложи Государю, а ужь въ цѣнѣ столкуемся, хозяинъ нашъ не изъ барыша хлопочетъ, а ради пользы да славы Государевой, хоть съ убыткомъ, да Царю было бы по сердцу, не скалили бы зубы заморскіе торгаши...

— Слышите-ли? сказалъ князь, снова обращаясь къ поставщикамъ, учитесь, говорю вамъ, учитесь любить также Царя и отечество, а отъ меня вамъ ожидать нечего, ступайте, да чтобъ гнилаго не было, вѣдь я не протяну руку, все перегляжу, все пересмотрю!... Каждая Государева копѣйка, для меня дороже тысячи рублей...

Купцы поклонились и вышли вонъ.

Тогда князь обратился опять къ Захарію Иванычу и молвилъ: доложу Государю, непремѣнно доложу, завтра же, и покажу сукно, хоть хозяинъ твой и не требуетъ никакой награды, да ужъ будь увѣренъ, что Царь Петръ Алексѣевичъ умѣетъ цѣнить усердіе и любовь, умѣетъ и награждать по-царски.... Да скажи-ко мнѣ, почему-же самъ Булавкинъ сюда не пріѣхалъ? Царь вѣрно меня спроситъ, какъ отвѣчать мнѣ?...

— Больнымъ-больнехонекъ батюшка ваше сіятельство; Богъ вѣсть, встанетъ-ли а то куда тебѣ, не утерпѣлъ бы, самъ бы прилетѣлъ....

— Жаль, больно жаль, и Государь пожалѣетъ о такомъ добромъ человѣкѣ.

Тутъ Яковъ Ѳедоровичъ отпустилъ насъ....

На другой день утромъ, Государь прислалъ за Захаріемъ Ивановичемъ свою одноколку и онъ, поѣхавши туда, возвратился веселый, превеселый: Царю Петру Алексѣевичу очень понравилось ваше сукно, онъ обо всемъ изволилъ милостиво разспрашивать, сожалѣлъ о болѣзни хозяина и хотѣлъ послать гонца освѣдомиться о его здоровьи, а если Богъ поднялъ съ одра болѣзни, то и въ Питеръ звать... да Захарій Иванычъ осмѣлился попроситься самъ....

— Нѣтъ! отвѣчалъ Государь, ты останься пока въ Питерѣ, да помоги Ѳедорычу принять отъ купцовъ сукно; Булавинъ добрый человѣкъ, въ томъ я не сомнѣваюсь, онъ васъ прислалъ сюда ко мнѣ на лицо, стало быть вы и люди добрые; пошли же за Михеичемъ, котораго нибудь изъ твоихъ помощниковъ... да коли здоровъ, пусть просятъ его ко мнѣ въ Питеръ, разцѣлую старика... награжу его.... Всѣ слушатели отъ радости плакали. Крюквинъ продолжалъ:

— Вотъ на другой день я и выѣхалъ изъ Питера, спѣшилъ, нечего сказать, а чудо! право чудо! какъ съ хозяиномъ не встрѣтился....

— Вотъ уже третій день какъ онъ уѣхалъ,

молвила Олинька; только получилъ отъ васъ изъ Питера письмо, и сталъ сряжаться...

— Какъ,—письмо? какое письмо? вскричалъ удивленный Брюквинъ, да намъ и во снѣ не снилось никакого письма...

— Что ты, что ты, Иванычъ, возразила Яковлевна, да не вы ли съ Сытинымъ прислали грамотку и все докладно прописали, что ждете въ Питеръ Государя, и о князѣ Яковѣ Ѳедоровичѣ рѣчь была, того только не было прописано, что Государь-батюшка васъ видѣлъ... А звать-то вы его въ Питеръ звали....

Брюквинъ, какъ оглушенный ударомъ, вскочилъ съ своего мѣста и не двигаясь смотрѣлъ во всѣ глаза на своихъ собесѣдниковъ...

Вѣрьте же Богу, не мнѣ, что ни Захарій Иванычъ, никто изъ насъ не думалъ посылать къ вамъ грамотку, зачѣмъ бы мнѣ тогда самому ѣхать?...

— А тотъ Аверьянъ Сычъ, что познакомился съ Захаріемъ въ Питерѣ, онъ-то и привезъ грамотку, прибавила Савишна.

Брюквинъ отрицательно покачалъ головою: никакого Сыча не видали и не знакомились... Эхъ! тутъ, что-то нечисто, сказалъ онъ, письмо-то вѣрно ни больше, ни меньше, какъ западня, выдумка, чтобы только выманить хозя-

ина изъ двора... Плохо, право плохо, по дорогамъ опять слышно пошаливаютъ и около Муромскаго лѣса мало кто проѣдетъ цѣлъ...

— Да какъ-же это, Иванычъ, спросила Олинька рыдая, вѣдь Сычъ-то все докладно разсказалъ, какъ и что, и грамотка была написана умно-преумно; гдѣ она, матушка?...

— И, ужъ хватилась, голубка, я вчера жарила яичницу и сожгла ее... отвѣчала Яковлевна.

— Жаль, матушка, замѣтилъ Аршиновъ; по рукѣ-то бы скорѣе можно добраться, истины...

— Чудо, право! говорилъ между тѣмъ Брюквинъ, никакъ въ голову не вберешь.... Сычъ! кто такой этотъ Сычъ? имя знакомое, гдѣ-то я слыхалъ... Ахти! батюшка, такъ и есть, я слышалъ это имя въ дорогѣ, знаете ли кого называютъ Сычемъ?...

— Кого? спросили всѣ въ одинъ голосъ...

— Атамана Муромскихъ разбойниковъ!

Всѣ въ изнеможеніи опустились снова на скамьи... Олинька лишилась чувствъ.

VII.

Казнь злодѣевъ.

Воевода.—Палашка.—Записка.—Незнакомцы.—Онъ живъ!—Гіероглифы.—Злодѣйская попойка.—Схватка.—Храбрость Андрюхи.—Подъячій.

Въ тотъ же день, передъ вечеромъ, Соломонида Яковлевна, Олинька и Савишна сидѣли въ той же комнатѣ и горько плакали... Всѣ онѣ погружены бы и въ раздумье, у каждой въ головѣ роились тысячи мыслей, тысячи догадокъ, но ни одна не осмѣливалась открыть ихъ: такъ онѣ были мрачны и грозны...

Дверь отворилась и вошелъ Иванъ Семенычъ, въ сопровожденіи Брюквина. —Оба они были печальны.

— Ну что, родные мои, спросила Яковлевна, были въ воеводской канцеляріи?...

— Были! отвѣчалъ Аршиновъ, и все разсказали воеводѣ...

— Что же воевода отвѣчалъ вамъ? спросила Олинька.

— Воевода нашъ человѣкъ добрый, ска-

залъ Аршиновъ, онъ больно жалѣетъ Петра Михеича и подтверждаетъ слова Иваныча, что и до него дошли слухи о шалостяхъ Муромскихъ разбойниковъ, что онъ послалъ объ этомъ уже доношеніе къ Владимірскому воеводѣ и ждетъ подмогу, чтобы идти на нихъ... Онъ также согласенъ дать и намъ подмогу и помощь для поисковъ, да сомнѣвается: едва ли мы въ чемъ успѣемъ. Богъ вѣдаетъ: живъ ли Петръ Михеичъ или нѣтъ?...

Пронзительный крикъ раздался въ комнатѣ и Олинька снова лишилась чувствъ. Всѣ бросились помогать ей, кромѣ Ивана Семеныча, который въ отчаяніи ломалъ руки и внутренно проклиналъ свою неосторожность...

Среди всеобщей суматохи, босая Палашка вбѣжала запыхавшись и, отдавая Йвану Семенычу клочокъ какой-то бумаги, не могла выговорить ни слова...

— Что это такое, отъ кого? вскричалъ Аршиновъ; гдѣ ты взяла эту записку? повторилъ онъ, быстро пробѣжавши ее глазами...

— Охъ, родной мой, дай вздохнуть, такъ напугалась, что и ноженьки подламываются и языкъ не говоритъ: вотъ, изволишь видѣть, послѣ обѣда я пошла въ огородъ полоть капусту; полю себѣ —да съ горя по Петрѣ Ми-

хеичѣ хныкаю; вдругъ слышу за забором, въ огородѣ сосѣда Пантелѣя Кузьмича, кто-то ходитъ; я подняла голову и вижу, въ большую щель кто-то глядитъ... Чрезъ минуту, можетъ и больше, отошли... слышу: трава зашумѣла подъ ногами и кто-то хриплымъ голосомъ сказалъ: ладно, теперь вижу... Любопытство и взяло! подбѣжала къ забору, приставила глазъ—и давай въ щель смотрѣть, и вижу—стоитъ не подалеку самъ Кузьмичъ, а рядомъ съ нимъ двѣ такія престрашенныя рожи, что сказать нельзя.... подъячій что-то говоритъ имъ, да то и дѣло указываетъ на нашъ домъ...

— Что бы это значило, чего они не видали на нашемъ домѣ? подумала я сама про себя и пошла за работу, да опять заплакала.

Работу кончила, хотѣла ужъ домой идти: накормлю хозяевъ, думала сама себѣ, лягу пораньше спать, а завтра—только въ колоколъ къ заутринѣ—побѣгу въ церковь поставлю по Петрѣ Михеичѣ заздравную свѣчу, за обѣднею часть выну и отслужу молебенъ. Заступницѣ спасеніе погибшихъ... Изъ кровныхъ, заслуженныхъ своихъ отслужу: можетъ Господь и приметъ мою сиротскую молитву, копѣйка трудовая дороже недобраго рубля!... Подумала и пошла; вдругъ въ томъ же мѣ-

стѣ, гдѣ и прежде, послышался шорохъ... Я обернулась, а грамотка-то черезъ заборъ и перелетѣла ко мнѣ... Что за диво?... Не успѣла я очнуться, а изъ-за забора и говоритъ мнѣ голосомъ: сейчасъ отдай жениху Ольги Петровны, а то сгорите!

— Я такъ и присѣла на мѣстѣ, свѣта не взвидѣла, правое слово такъ! Прошло можетъ, часъ, насилу опомнилась и прибѣжала сюда безъ ума... Только вотъ что, Иванъ Семенычъ, воля твоя, а голосъ-то, что говорилъ мнѣ, правое слово, былъ Андрюхи ямщика, ужъ я его изъ сотни разузнаю.

Олинька, между тѣмъ, пришедшая въ себя, и всѣ присутствующіе обратили на Аршинова вопрошающіе взоры...

— Успокойтесь, молитесь Богу, онъ живъ, онъ спасенъ!... проговорилъ Аршиновъ въ сильномъ волненіи; молитесь Богу, продолжалъ онъ, замѣтивъ всеобщее любопытство, не распрашивайте, время дорого, сегодня найдемъ концы—а завтра и дѣлу развязка!...

Иванъ Семенычъ, сказавши это, Брюквина за руку и увлекъ его за собою, оставивъ всѣхъ въ страшномъ недоумѣніи...

Я не изъ числа тѣхъ романистовъ, которые дорожатъ болѣе всего не послѣдовательностію а эфектами и сбивчивостію своего разсказа,

которые любятъ прерывать нить происшествія на самомъ любопытномъ мѣстѣ. Если вамъ угодно знать, отъ кого именно Аршиновъ получилъ записку, я пожалуй скажу вамъ, что дѣйствительно она была писана каракулями, похожими на Египетскіе гіероглифы, выведенными рукою Андрюхи, который, какъ видно изъ обстоятельствъ дѣла, вѣроятно успѣлъ обмануть бдительность своихъ стражей... Вотъ что гласили Андрюхины гіероглифы:

«Батюшка, Иванъ Семенычъ! не плошай! не мѣшкай! Петръ Михеичъ живъ, только не въ добрыхъ рукахъ, и я живъ, я, Андрюха, да тоже сижу въ засадѣ у Цапцарапкина, воръ и разбойникъ онъ: водитъ хлѣбъ соль съ Муромскимъ злодѣемъ Сычемъ и съ его шайкой... А ты, Иванъ Семенычъ, постарайся, сегодня въ полночь, сбить побольше народу, да только безъ огласки, и уже въ полночь окружи домъ Цапцарапкина, всѣхъ злодѣевъ и перехватаемъ, я помогу... Тогда и Петра Михеича отыщемъ... Да только нынче, ровно въ полночь, а то завтра и тебѣ корачунъ и невѣсту твою сожгутъ и мнѣ съ Петромъ Михеичемъ не миновать. Такъ ужъ положили на разбойничьемъ совѣтѣ...

Дорогою разсказалъ Аршиновъ Брюквину содержаніе записки и они разошлись въ раз-

ныя стороны, первоначально о чемъ-то посовѣтовавшись и давши другъ другу слово поступать осторожнѣе...

На сборной башнѣ медленно и уныло пробило одинадцать разъ... Ночь была темная, дождливая, изрѣдка вдали проблескивала молнія и освѣщала западный край мрачнаго горизонта, и луна и свѣтлыя звѣздочки не показывались, какъ будто гнушаясь быть зрительницами разбойнической бесѣды и свидѣтельницами преступнаго совѣщанія...

Весь Муромъ, казалось, спалъ... нигдѣ не было замѣтно свѣтлаго огонька, только рабочая комната Цапцарапкина по обыкновенію озарялась тусклымъ, грязнымъ свѣтомъ ночника, озарявшимъ еще болѣе грязную картину разбойнической пирушки...

Подъячій и шесть человѣкъ разбойниковъ въ числѣ которыхъ я пока полагаю и добраго, вѣрнаго Андрея, сидѣли за ужиномъ и уже всѣ, исключая послѣдняго, были отуманены виномъ..-

Сычъ. Тише вы, дурачье! какъ напьются пойдутъ другъ друга—въ усъ да въ рыло...

Вотъ я васъ молчать! (Цапцарапкину). Ну-ка, Кузьмичъ, выпьемъ еще по сулеечкѣ, да потолкуемъ объ дѣлѣ! Какъ ты думаешь, чай завтра многонько будетъ намъ хлопотъ? Ась?... Да! вотъ мысль важнѣйшая: ужь не одѣться ли и тебѣ по-нашенски, да вмѣстѣ съ нами отправиться на пожарище, вѣдь ты знаешь лучше насъ, гдѣ что лежитъ... Оно, конечно, ты все мнѣ разсказалъ, да вѣдь все-таки свой-то глазъ лучще чужаго...

Цапцарапкинъ. Что это у тебя за мысли, Сычъ? поди, вишь, я помогать имъ, а домъ оставь... да что я — ворогъ, что-ли самъ себѣ?...

Сычъ. Вотъ что?... Знать ларецъ-то больно у тебя тяжелъ: ужъ не пересчитать-ли намъ сегодня зараньше, да не отправить-ли въ ночь куда слѣдуетъ?...

Цапцарапкинъ, (вскакиваетъ съ своего мѣста). Слушай, Сычь! говори да не заговаривайся! ей же ей закричу во все горло с л о в о и д ѣ л о! Себя не пожалѣю!.. Говори и дѣлай что хочешь, а до ларца не касайся!..

Сычъ и вслѣдъ за нимъ всѣ разбойники захохотали...

Сычъ... Э, э! любезный! погоди же благо узнали гдѣ твоя душа – она въ ларцѣ! Чуть ты будешь поперечить, да не по нашему дѣлать, мы сейчасъ расправимся посвойски...

Цапцарапкинъ (дрожа всѣмъ тѣломъ). Сычъ! умилосердись! не мучь меня, ей же ей не въ моготу!..,

Сычъ (обращаясь къ другимъ товарищамъ). Ну, и въ самомъ дѣлѣ, шутки въ сторону, время подумать о дѣлѣ... Смотрите, лишь только мы зажжемъ домъ Булавкина и начнется суматоха, вы тотчасъ же въ домъ Аршинова, помните, который вамъ показывалъ? (Разбойники дѣлаютъ утвердительный знакъ)—Ну такъ въ ту же минуту туда и самъ хозяинъ чай будетъ здѣсь – и мы знаемъ, что съ нимъ сдѣлать, въ угодность Кузьмичу (Цапцарапкинъ улыбается и кланяется); а если застанете тамъ, карачунъ ему, понимаете? Объ остальномъ говорить нечего, коли домъ нашъ—и все нашѣ!.. (Снаружи слышится какой-то невнятный шумъ). Что это такое, Кузьмичъ?

Цапцарапкинъ прислушался; (между тѣмъ все умолкаетъ и только дождевыя капли хле-

щутъ въ стекла оконъ). Вѣстимо что: шумитъ вѣтеръ, да дождь идетъ!

Сычъ. То то смотри, заперто ли все у тебя, не подслушалъ ли кто нашего разговора, аль можетъ давесь не видалъ ли кто насъ въ огородѣ? смотри! (указываетъ на пистолетъ и въ тоже время подозрительно глядитъ на Андрюху).

Андрюха (принимая на себя хладнокровный видъ). Вотъ то-то и есть атаманъ, давича говорилъ: не ходите по огороду днемъ, дождитесь вечера... Нѣтъ! натянулись сивухи и пошли погуливать и меня послали... Оно, конечно, гдѣ насъ видѣть, я остороженъ и своими глазами увѣрился, что въ огородѣ никого не было, а все думается!

Сычъ (обнимая Андрюху). Правъ, правъ, ты, пострѣлъ! спасибо тебѣ за это, и честное слово атамана, что впредь никогда тебя не ослушаюсь.

Андрюха (улыбаясь). Вѣрю и надѣюсь, атаманъ!

Сычъ. И такъ одно дѣло конечно, о вто-

ромъ мы ужъ говорили, притомъ же я самъ буду тутъ... (шумъ снаружи усиливается)... Слушай, подъячій! это ужъ не вѣтеръ...

Не успѣлъ Сычь выговорить слова, какъ въ сѣняхъ раздались шаги нѣсколькихъ человѣкъ, разбойники вскочили съ мѣстъ своихъ и схватились за оружіе въ тоже время въ окнахъ показались лица.

— А предатель! такъ ты завелъ насъ въ западню, попробуй же прежде моего угощенія! вскричалъ Сычъ и бросился на Цапцарапкина съ ножемъ... но, въ тоже время, отуманенный ударомъ пищали, который нанесъ ему Андрюха сзади; упалъ и своимъ паденіемъ увлекъ за собой Цапцарапкина... Зарѣзъ выхватилъ саблю и, въ свою очередь, поспѣшилъ раздѣлаться съ Андрюхой но за окномъ раздался выстрѣлъ и пуля, прорѣзавши стекло, свиснула въ свѣтлицѣ... Зарѣзъ, раненый въ плечо, упалъ.

— Бери, вяжи! раздались голоса, въ сѣняхъ, и Аршиновъ показался въ сопровожденіи нѣсколькихъ десятковъ муромскихъ гражданъ... Разбойники хотѣли защищаться, началась схватка—но это было дѣломъ одного мгновенія, чрезъ пять минутъ всѣ они лежали связанными на полу, а восторжество-

вавшіе Аршиновъ и Брюквинъ обнимали добраго и храбраго Андрюху...

— Ахъ ты, родной мой, забубенная голова, говорилъ Брюквинъ, не выпуская его изъ своихъ объятій, да я тебя расцѣлую до смерти, задушу обнимавши...

— Погоди маленько, Иванычъ, возразилъ улыбаясь Андрюха, дай пожить прежде, съѣздимъ, отыщемъ Петра Михеича, потомъ свезу его въ Питеръ, ворочусь къ своей старухѣ, потомъ на Танюшкѣ женюсь, потомъ наживу полдюжины дѣтей.. ужъ не взыщи, не разстанусь безъ того, выращу ихъ, да ужъ тогда пожалуй хоть и въ могилу... Э! да что же мы пятерыхъ-то разбойниковъ связали а шестой такъ лежитъ, дайте-ко веревку —да покруче...

Говоря это, Андрюха наклонился и сталъ тормошить Цапцарапкина лежавшаго ничкомъ...

— Чуръ меня! зашепталъ подъячій, вообража что все происходившее есть или сонъ или навожденіе сатанинское...

— Нѣтъ, братъ, отъ меня не отчураешься, я самъ слово знаю, говорилъ Андрюха, начиная вязать руки Пантелеймоиу Кузьмичу... Цапцарапкинъ, понявши наконецъ всю существенность своего положенія, вырвался, вско-

чилъ на ноги, потомъ упалъ на колѣни и закричалъ:

— Помилосердуйте, отцы родные, знать не знаю ничего, вѣдать не вѣдаю, въ первой самъ вижу этихъ злодѣевъ, они и ко мнѣ то пришли съ намѣреніемъ ограбить...

— Вотъ что! полно, крапивный дядя, морочить-то насъ, возразилъ шуточнымъ тономъ Андрюха а ларецъ-то твой...

При словѣ: «ларецъ», Кузьмичъ снова зачуралъ и упалъ на полъ. Его связали... Вскорѣ толпа горожанъ и обхожихъ повела разбойниковъ въ воеводскую канцелярію вмѣстѣ съ Цапцарапкинымъ.

— Что, Андрюха, не время ли ѣхать и за Петромъ Михеичемъ?... спросилъ Аршиновъ...

— Да не безъ того, Иванъ Семенычъ; вонъ ужъ заря занимается: самое время, только попрошай у воеводы побольше народу, да съ оружіемъ... кто ихъ знаетъ можетъ и безъ атамана ощетинятся...

VIII.

Наша взяла.

Безнадежность. — Ужасное ожиданіе.—Выстрѣлы. — Суматоха.— Спасеніе.—Объясненіе.—Ошибка.—Возвращеніе къ семейству.— Сборы въ Питеръ.—Заздравное «ура!» за Государя.

Булавкинъ лежалъ по прежнему въ своей земляникѣ, Старика трудно было узнать—такъ перемѣнился онъ отъ голода и горестныхъ чувствъ... малѣйшій шорохъ снаружи заставлялъ несчастнаго трепетать, онъ страшился встрѣтить въ немъ предвозвѣстника гибели своей ненаглядной дочери, своего семейства... —Боже мой, Господи! думалъ онъ, неужели участь моего семейства начертана Всемогущимъ перстомъ Твоимъ въ книгѣ судебъ!...

Вдругъ по лѣсу раздался какой-то гулъ, Петръ Михеичъ вздрогнулъ... вотъ и выстрѣлъ, другой, третій... Храпѣвшій у входа земляники разбойникъ вскочилъ съ своего мѣста и выбѣжалъ вонъ...

Старикъ думалъ, что выстрѣлы, слышанные въ лѣсу, означаютъ радостное возвращеніе разбойниковъ съ кроваваго промысла... Между тѣмъ гулъ все ближе и ближе слышался отъ землянки, вотъ у самаго входа еще выстрѣлъ, радостные клики... и Булавкинъ, закрывши глаза, началъ читать отходную...

— Батюшка, хозяинъ, голубчикъ, Петръ Михеичъ, раздались вдругъ десятки знакомыхъ голосовъ и Булавкинъ взглянувши, не вѣрилъ глазамъ своимъ: предъ нимъ стояли Аршиновъ, Брюквинъ, Андрюха, толпа артельщиковъ и нѣсколько сосѣдей... за уютностію землянки, остальные помѣстились снаружи и сторожили четверыхъ разбойниковъ, связанныхъ подобно своимъ товарищамъ, пятый съ раздробленною ногою стоналъ не подалеку.

— Господи, благодарю тебя, говорилъ Булавкинъ рыдая, благодарю хотя за нѣсколько минутъ сладкаго сна...

— Это не сонъ, батюшка, говорилъ Аршиновъ, перерѣзывая веревки, которыми былъ связанъ нарѣченный тесть его, благодаря Бога, мы поспѣшили во время и—ты спасенъ...

— И впрямь такъ! кажись; что это не сонъ... Обойми меня, Иванъ Семенычъ, сынокъ мой ненаглядный...

— А меня-то что-же, хазяинъ, возразилъ Брюквинъ рыдая, и Булавкинъ перешелъ въ объятія Иваныча. Голубчикъ ты мой, говорилъ послѣдній какъ они уходили тебя проклятые вѣдь краше въ гробъ кладутъ...

— А какъ же ты то попалъ сюда?

И брюквинъ въ нѣсколькихъ словахъ разсказалъ причину пріѣзда.

Потомъ Булавкинъ взглянулъ на Андрюху и взоры его заблистали негодованіемъ: а ты здѣсь зачѣмъ? спросилъ онъ, или пришелъ за тѣмъ, чтобы возмутить радость мою, или можетъ тебя привели сюда?..

— Не привели, батюшка Петръ Михеичъ говорилъ Андрюха, почесывая затылокъ, и неужели ты думалъ, что я сдѣлался заправскимъ разбойникомъ?.. Эхъ, родной мой, родной мой! ты самъ же говорилъ мнѣ: не осуждай, дескать, не говори про человѣка недоброе, прежде времени, судить о всѣхъ по себѣ... кто же и спасъ тебя, какъ не я?...

Булавкинъ вопросительно взглянулъ на Аршинова и Брюквина и, когда они подтвердили справедливость словъ добраго ямщика, бросился на шею Андрюхи; родной, ты мой,

Андреюшка вскричалъ онъ, согрѣшилъ я, на старости лѣтъ, прости, пожалуй, человѣкъ бо есть!... Да какъ же это было?...

— Послѣ, послѣ, Петръ Михеичъ, отвѣчалъ Андрюха, а теперь —поѣдемъ-ка домой, тамъ чай всѣ глаза-то выплакали...

Цѣлую ночь не спали въ домѣ Булавкина. Олинька, Яковлевна, Савишна и Палаша сидѣли въ одной комнатѣ и истощали весь запасъ женской проницательности, чтобы разгадать загадку... Вотъ уже и утро—нѣтъ никого!

Вдругъ вдали послышался стукъ повозки ближе, ближе... и остановилась повозка у воротъ, а на козлахъ-то — вѣритъ-ли глазамъ? сидитъ Андрюха ямщикъ, а въ повозкѣ-то кто?... Олинька и все семейство Булавкина выбѣжали на крыльцо... Петръ Михеичъ переходилъ изъ объятій въ объятія, радости не было мѣры, вопросамъ не было конца...

На другой день, послѣ радостнаго событія, Петръ Михеичъ со всѣмъ семействомъ и съ двумя, тремя сосѣдями сидѣлъ за обѣденнымъ столомъ и разсказывалъ подробности своей поѣздки.

— Ну такъ какъ же, Иванычъ, молвилъ наконецъ Булавкинъ, обращаясь къ Брюкви-

ну, нынче отдохнемъ, а завтра, поѣдемъ въ Питеръ...

— Какъ, батюшка, спросила Олинька ужъ ты сбираешься и въ Питеръ, да что ты — Богъ съ тобой — хоть бы отдохнулъ маленько посмотри-ка на себя, блѣднехонекъ, а ужъ худъ-то худъ — и взглянуть страшно...

— Тѣломъ боленъ, да сердцемъ здоровъ!... Эхъ! такъ-то здоровъ, что и сказать нельзя... Нѣтъ мои ненаглядные, такъ заключилъ Петръ Михеичъ слова свои, ужъ подождите маленько ко съѣзжу въ Питеръ, ворочусь, тогда на другой же день свадьбу сыграемъ...

Трапеза кончилась, явилась бутылка заморскаго вина, бокалы запѣнились и съ крикомъ: ура! ихъ осушили за здравіе Государя...

IX.

Государь Петръ Алексѣевичъ.

Лѣтній садъ.—Фома Фомичъ.—Диковинки. — Рѣчь.—Сенаторъ.—Князь Яковъ Федоровичъ.—Государь за работою.—Ласковый пріемъ.—Посаженный отецъ.—Милости.—Заключеніе.

День былъ воскресный.—Весь Питеръ веселился. Въ Лѣтнемъ саду и на лугу Цари-

цыномъ «негдѣ было», какъ говоритъ пословица, «яблоку упасть».

Добрый купецъ почти бѣжалъ по дорожкѣ Лѣтняго сада, не взирая на толпу, которая насмѣшливо глядѣла на толстяка, запыхавшагося и покраснѣвшаго отъ усталости; онъ старался догнать старика, шедшаго по той же дорожкѣ, но довольно въ далекомъ отъ него разстояніи.

— Петръ Михеичъ, Петръ Михеичъ! измучилъ, не могу больше бѣжать, остановись! заревѣлъ наконецъ толстякъ такъ громко, что старикъ остановился и началъ оглядываться; толпа захохотала...

— Давно-ли, мой батюшка, въ Питеръ пожаловалъ? началъ снова толстякъ, обнимая подошедшаго къ нему Булавкина...

— Мое почтеніе, какъ живешь-можешь, Ѳома Ѳомичъ, отвѣчалъ Булавкинъ; недавно, благопріятель, почесть часъ другой не болѣе ввалился...

— Доброе дѣло, доброе дѣло мой отецъ, а что, развѣ дѣльцо есть въ Питерѣ?..,

— Есть таки дѣльцо..

— Ужъ не тяжба-ли въ Сенатѣ? ни къ кому не ходи: прямо къ князю Якову Ѳедоровичу Долгорукову, вотъ что воротился изъ плѣна Свейскаго, онъ теперь и въ Сенатѣ засѣдаетъ

и еще двумя должностями править, а ужъ справедливъ — сказать нельзя.

— Дѣльцо-то мое прямо къ государю и до Якова Ѳедоровича коснется, да не тяжебное...

Въ это время въ народѣ раздался шопотъ, толпа разступилась и дородный генералъ, сѣдой съ длинными усами и съ видомъ довольно грознымъ, въ сопровожденіи адъютантовъ и нѣсколькихъ гвардейскихъ офицеровъ, показался ..

— Князь Яковъ Ѳедоровичъ, князь Яковъ Ѳедоровичъ, говорилъ въ полголоса народъ и всѣ снимали шапки...

Петръ Михеичъ сдѣлалъ два шага впередъ и низко поклонился. Отъ князя не укрылось движеніе старика, онъ становился и ласково спросилъ: что тебѣ надобно, почтенный старикъ, кто ты?...

— Булавкинъ, Муромскій купецъ! отвѣчалъ Петръ Михеичъ, низко поклонившись,

— Булавкинъ! милости просимъ, милости просимъ, гость Муромскій, гость дорогой, я мы — вотъ часу не будетъ — какъ разговаривали о тебѣ съ Государемъ... и пожалѣли тебя, говорятъ, мошенники порядочно тебя помучили...

— Что дѣлать, батюшка, ваше сіятельство, злому человѣку много надо... а мы перетер-

нимъ, и самимъ слюбится и Богу пріятно... Господь имъ судья!...

— Нѣтъ, Петръ Михеичъ, Божескій судъ будетъ тамъ, въ вѣчности, куда мы всѣ явиться должны послѣ смерти; а здѣсь на то намъ данъ Богомъ Царь, чтобы судить дѣла наши по правдѣ, по истинѣ, по закону Господню— и имъ не избѣжать строгаго суда... Да!... что же мы медлимъ? пойдемъ-ко, Петръ Михеичъ; сейчасъ же къ Царю; хоть онъ и занятъ, да дѣломъ не важнымъ, на насъ не обидится и чѣмъ раньше тебя увидитъ, тѣмъ болѣе будетъ доволенъ...

Князь Яковъ Ѳедоровичъ взялъ Булавкина за руку и повелъ къ домику Государя Петра Алексѣевича.

Народъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на происходившую сцену и дѣлалъ догадки...

Государь Петръ Алексѣевичъ сидѣлъ въ кабинетѣ, и, собственными руками, чинилъ башмаки, какъ вощедшій деньщикъ доложилъ о прибытіи князя.

— Проси! отвѣчалъ Государь, и Долгорукій съ Булавкинымъ явились...

— Что новаго, Яша? спросилъ Государь, не поднимая глазъ и продолжая работать...

— Гостя привелъ къ тебѣ, Государь! от-

ячалъ Долгорукій, купецъ Булавкинъ бьетъ тебѣ челомъ...

Петръ Алексѣевичъ оставилъ работу, быстро подошелъ къ Булавкину и сталъ обнимать его...

— Здорово, здорово, гость дорогой, здорово мой добрый Михеичъ, какъ живешь?... говорилъ онъ.

— Милостями твоими, Государь, живемъ... и радуемся, глядя на великія начинанія и дѣла твои. Какъ Богъ милуетъ Ваше Величество? говоря это, Булавкинъ хотѣлъ поклониться до земли, но Царь не допустилъ его...

— Слава Тебѣ, Господи, сказалъ Государь, живемъ и мы, да трудимся помаленьку. Садись-ко, Михеичъ, присядь и ты, Яша, да потолкуемъ... Садись же, Михеичъ, будь какъ дома...

Всѣ усѣлись, не исключая и Булавкина, который спачала никакъ не рѣшался...

— Знаешь ли что, Михеичъ, началъ Государь, вѣдь сукно-то твое важнѣйшее, ужъ я заказалъ изъ него сдѣлать себѣ камзолъ...

— Дай тебѣ Богъ здоровья, Государь замѣтилъ Булавкинъ, поклонившись, что ты не гнушаешься моимъ издѣльемъ.

— Ахъ ты, Михеичъ, Михеичъ, да чтобы

я былъ тогда за Царь, если бы неумѣлъ цѣнить заслугъ.

— Правда твоя, Государь, отвѣчалъ Долгорукій, честь и слава господину Булавкину!..

— Слышишь ли Михеичъ, и Яшка говоритъ тоже—стало быть я не лыцу тебѣ... Да! вотъ что я хотѣлъ сказать: какъ бы къ будущему году на твоей фабрикѣ приготовить по больше зеленаго сукна, чтобы одѣть полевые полки... Знаю, ты понесешь большой убытокъ если будешь ставить сукно по той цѣнѣ, по какой нынче купилъ Ѳедорычъ, и я не хочу этого—мы поступимъ иначе, положись на меня я возьму на себя трудъ упросить князя Долгорукаго; онъ, вопреки своей бережливости, сдѣлаетъ на каждый аршинъ изрядную прибавку, согласенъ ли?..

— Нѣтъ, Государь, не согласенъ... отвѣчалъ Булавкинъ, это значило бы все одно—что я фабрику-то завелъ для барышей... Слава Тебѣ, Господи, я имѣю кусокъ хлѣба, жить не прожить ни дѣтями, ни внукамъ...

— Много-ли у тебя дѣтей Михеичъ?

— Одна только дочь, Государь, дѣвка на порахъ, невѣста!..

— Что же ты не затѣваешь свадьбу? аль въ Муромѣ жениховъ недостача? пожалуй, я выберу питерскаго...

— Благодарю за милость, Государь, да ужъ есть женихъ малый славный сынъ покойнаго пріятеля.

— А скоро свадьба?

— Да вотъ, Господь дастъ, ворочусь изъ Питера, такъ и сыграемъ...

— Доброе дѣло, прими меня въ отцы посаженные къ невѣстѣ, самому ѣхать нельзя— дѣла много, Михеичъ – война, а кого нибудь пришлю вмѣсто себя и невѣстѣ пошлю подарокъ... Да еще забылъ спросить: тебя Муромскіе-то пріятели, говорятъ, порядкомъ пощипали, ну да и имъ достанется... я получилъ отъ воеводы донесеніе и предписалъ представить ихъ ко мнѣ. Дай, посмотримъ, что за звѣри такіе?.. Ну не имѣешь-ли какой до меня просьбы?..

— Имѣю, Государь, отвѣчалъ Михеичъ...

— Говори же смѣло, проси, все сдѣлаю...

— Прости ихъ, батюшка!..

— Кого это, Михеичъ...

— Да вотъ этихъ разбойниковъ-то, Богъ съ ними?..

— Благо тебѣ, старикъ, когда умѣешь прощать враговъ своихъ, и я съ тобой согласенъ какъ человѣкъ... Но законъ не можетъ и не долженъ щадить преступленія.

Государь посмотрѣлъ на стѣнные часы.

— Однако время приняться за бумаги, прощайте пока, гости дорогіе, прошу ко мнѣ во всякое время, за просто.

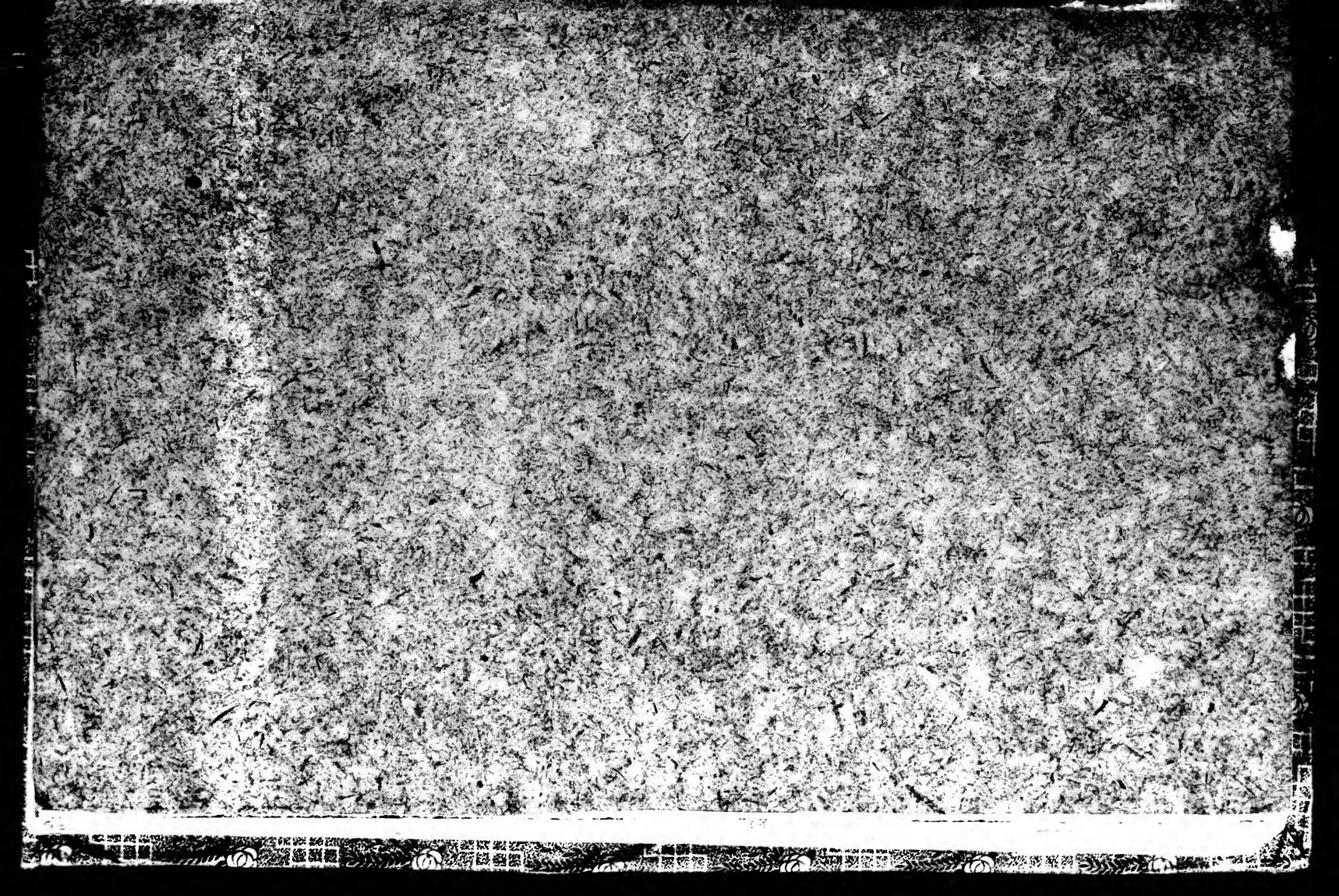
Около двухъ недѣль Булавкинъ жилъ въ Петербургѣ и не проходило дня, чтобы не видатся съ Государемъ. Наконецъ, получивши дозволеніе возвратиться въ Муромъ, получилъ вмѣстѣ съ тѣмъ званіе первостатейнаго купца и почетный кафтанъ отъ Царя Петра Алексѣевича, который обласкавъ его снова обнялъ и прощаясь просилъ почитать его отцемъ посаженнымъ.., Пришлю, непремѣнно пришлю вмѣсто себя! говорилъ онъ. Императрица также имѣла желаніе видѣть Булавкина и подарила невѣстѣ подвѣнечныя золотыя серги съ изумрудами.

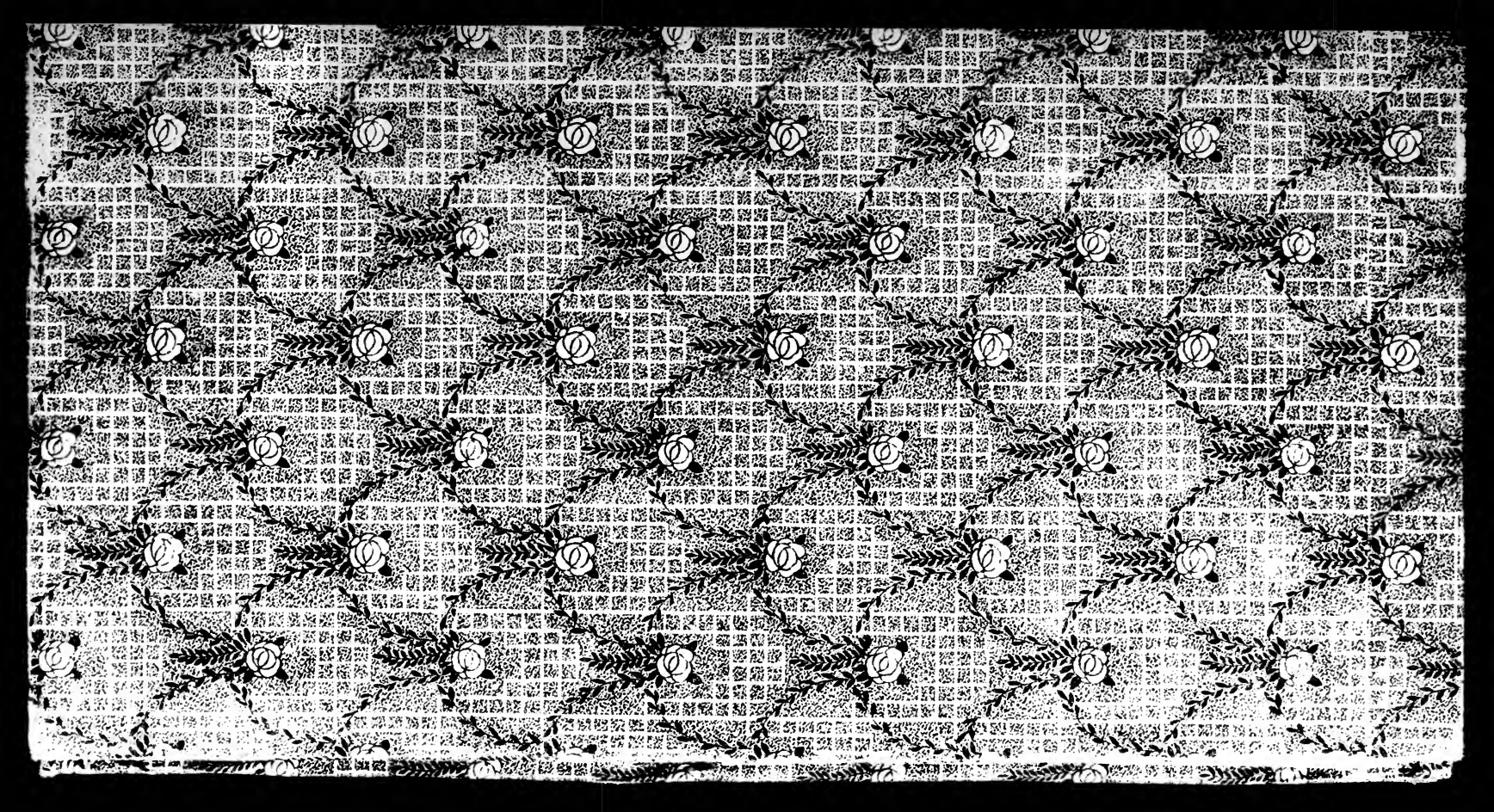
Булавкинъ благополучно возвратился въ Муромъ. Государь сдержалъ свое слово, прислалъ вмѣсто себя Боярина, прислалъ съ нимъ подарки жениху и невѣстѣ и свадьбу сыграли., Иванъ Семеновичъ и Ольга Петровна Аршиновы жили богато и счастливо многія лѣта... Петръ Михеичъ и Соломонида Яковлевна на нихъ любовались.... Савишна по прежнему сватала... Муромскіе разбойники—да говорить ли о нихъ? вѣдь извѣстно, что бываетъ разбойникамъ!—Вотъ о Пантелеймонѣ Кузьмичѣ Цапцарапкинѣ, скажемъ въ заключеніе нѣ-

сколько словъ. Съ первой минуты взятія его подъ стражу и по ту минуту, когда онъ узналъ, что полновѣсный ларецъ его съ награбленными рублевиками поступилъ въ казну, въ продолженіи цѣлой недѣли, морилъ себя голодомъ... Но, по полученіи сего ужаснаго извѣстія, онъ не рѣшился уже пребывать въ мірѣ семъ и, какъ вы думаете уморилъ себя голодомъ?.. нѣтъ-съ! онъ просто объѣлся!

Что еще остается прибавить? болѣе ничего какъ только распрощаться съ моими читателями и написать крупными буквами:

К о н е ц ъ.



W381.5917B-M949

W117111